

В. А. Томсинов

Андрей Януарьевич Вышинский (1883 – 1954):

государственный деятель и правовед

Часть 16

Опубликовано:

Журнал «Законодательство».

2023. № 1. С. 86–94. № 2. 87–94. № 3. С. 87–94. № 4. С. 87–94. № 5. С. 87–94.

1

Осенью 1938 года в карательной политике Советского государства произошли существенные изменения. Общим их результатом стало резкое уменьшение количества осужденных и расстрелянных. В 1938 году в СССР было предано суду 554 258 человек, из них к смертной казни приговорили 328 618 человек¹. В 1939 году перед судом предстало 63 889 человек, из них к смертной казни было приговорено 2 552 человека. В 1940 году осудили 71 806 человек, из них к смертной казни — 1 649 человек². Репрессии перестали быть массовыми.

Произошедшая в карательной политике перемена отчетливо проступает в дневниковых записях академика В.И. Вернадского. Владимир Иванович был лишен каких-либо партийных и личных пристрастий, являлся человеком мудрым и в достаточной мере независимым. Поэтому он, как никто из его современников, был способен смотреть на происходившие события объективно и выражать свой взгляд предельно откровенно. Дневниковые записи Вернадского — без сомнения, один из самых достоверных документов советской эпохи.

Его дневник за 1938 год полон сообщениями об арестах и замечаниями о бессмысленности и вредных последствиях террора. В дневнике же за 1939 год записей на эту тему почти нет.

14 февраля 1938 года Вернадский отметил: «Аресты продолжают и не стихают. В военных кругах — сплошь. Акад[емия] военная ген[ерального] шт[аба] одно время оставалась без слушателей и профессоров»³. 21 апреля 1938 года он упомянул об аресте правоведа Сергея Андреевича

¹ Историк В.Н. Земсков, авторитетный специалист по исторической демографии, установил на основе архивных статистических документов, что во всем Советском Союзе «в начале 1939 г. в лагерях, колониях и тюрьмах насчитывалось около 2 млн заключенных, из них 1 млн 317 тыс. — в лагерях» (*Земсков В.Н.* Сталинская эпоха. Экономика, репрессии, индустриализация. 1924—1954. М., 2018. С. 266). Приводя эти цифры, автор дал ссылку на архивные документы: ГАРФ. Ф. 9413. Оп. 1. Д. 6. Л. 7—8; Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1154. Л. 2—4; Д. 1155. Л. 2,20—22.

² Справки 1 спецотдела МВД СССР о количестве арестованных и осужденных органами ВЧК—ОГПУ—НКВД—МГБ СССР в 1921—1953 гг. от 11 декабря 1953 г. // ГА РФ. Фонд 9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 201—205 (подлинник, рукопись). Опубликовано: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918—1960 / сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2000. С. 433—434. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. Март 1953—февраль 1956. М., 2000. С. 77. *Земсков В.Н.* Указ. соч. С. 263.

³ *Вернадский В.И.* Собрание сочинений: В 24 т. Том 21. Дневники В.И. Вернадского 1935—1939 гг. М., 2013. С. 241.

Котляревского⁴. 16 мая того же года Владимир Иванович написал: «В Саратове расстрелян Н.А. Орлов, интересный крупный ученый в области химии углей. Вместе с ним около 10 чел[овек] — об этом объявлено в саратовских газетах»⁵. 18 мая: «В Саратове массовые аресты среди переехавших — поселенных там служащих манчжурской дороги. Целые улицы пустуют — аресты “шпионов” — это низы»⁶. 28 мая: «Аресты продолжаются. В Пятигорске — Карстенс, еще раньше — Огильви... Террор, разрушающий основу строя. Безумие. Как-то Зиночка (З.М. Супрунова) рассказывала. У них (инст[итут] <иностранн[ых] языков> арестованы три профессора (ком(м)унисты) — историки, политэкономы и т[ому] п[одобное]. Среди студенчества (комсомольцы) много арестов. Два предмета отложили на второй год. Резкое ухудшение обстановки»⁷.

5 июля 1938 года Вернадский оставил в дневнике запись, которой выразил свое недоумение политикой террора: «Поражают сейчас жестокие меры против — совершенно здешними обстоятельствами не вызываемые и кажущиеся вследствие этого непонятными и странными, и вредительскими — невинных “бывших” людей»⁸. 14 ноября 1938 года он сообщил: «Всюду аресты, в Петерб[урге] — тоже. Настроение нервное и подавленное. В Казани арестовано несколько человек в лаборатории Арбузова, который является бесспорным кандидатом в академики-химики. Арестован и его сын»⁹.

В дневнике Вернадского за 1939 год упоминания об арестах стали единичными, и они касались в основном случаев, которые относились к предшествующим годам. Об арестованных же в 1939 году Вернадский сообщил лишь однажды — в записи, датированной 5 октября: «Арестованы опять все в Бальнеол[огическом] инст[итуте] в Пятигорске... Арестован впервые Я.В. Лангваген»¹⁰.

3 января 1939 года Вернадский занес в дневник весьма примечательную фразу: «Слухи об ослаблении террора»¹¹, а 2 марта того же года написал:

⁴ Там же. С. 314.

⁵ Там же. С. 338.

⁶ Там же. С. 340.

⁷ Там же. С. 347.

⁸ Там же. С. 358.

⁹ Там же. С. 377.

¹⁰ Там же. С. 489. Гидрогеолог Яков Васильевич Лангваген был арестован по ложному доносу 28 августа 1939 г. 28 июля 1941 г. Его приговорили к расстрелу. В 1958 г. реабилитировали.

¹¹ Там же. С. 437.

«Террор уменьшился. Продолжаются рассказы об избиениях или угрозах избиения арестованных, в том числе и старых, при Ягоде, киевской НКВД. По-видимому, сейчас этого нет»¹². 28 ноября того же года Вернадский констатировал в дневнике, что из тюрем многих отпускали, заметив при этом, что оправданными становились «только те, которые все время считали и указывали, что все обвинения — фальшивые»¹³.

Дневниковые записи Вернадского 1938–1939 годов указывают на две, по меньшей мере, истинные причины отхода руководства ВКП (б) от политики массовых репрессий.

Во-первых, данная политика приобрела настолько широкие масштабы, что стала разрушительной для экономики, науки, обороны страны, государственного управления и создала тем самым серьезную угрозу существованию Советского государства.

Во-вторых, массовые репрессии, обрушившиеся на общество, партийный и государственный аппарат, парализовав общественную жизнь и государственную деятельность, привели к резкому усилению органов внутренних дел. Руководители и сотрудники НКВД СССР, получившие невиданные прежде властные полномочия, творили жестокий произвол по отношению не только к простым людям, но и к должностным лицам партийного и государственного аппарата, в том числе и самого высокого ранга. Они превратились в особого рода касту, которая стала выходить из-под контроля высших органов большевистской партии — Центрального комитета и даже Политбюро ЦК ВКП (б).

В записи, сделанной 25 января 1938 года, Вернадский сообщил, что в попытках объяснить феномен репрессий «все больше говорят о болезни или вредительстве руководителей НКВД»¹⁴. Спустя десять дней, 4 февраля, он отметил в дневнике: «Стоит стон и сумятица в связи с арестами. Все разваливается»¹⁵.

11 мая 1938 года Вернадский дал в дневнике оценку обстановки, сложившейся в советском обществе в связи с массовыми репрессиями: «Политика террора становится еще более безумной, чем я думал еще недавно. Волевая и умственная слабость руководящих кругов партии и более низкого

¹² Там же. С. 473.

¹³ Там же. С. 508.

¹⁴ Там же. 213.

¹⁵ Там же. С. 227.

уровня партийцев, резко проявляется в среде, мне доступной, заставляет меня оценивать (современное положение) как преходящее, а не достигнутое, не как тот, по существу, великий опыт, который мне пришлось пережить»¹⁶.

В дневниковой записи, датированной 10 ноября 1938 года, Владимир Иванович привел конкретный пример чрезвычайно разрушительного действия массовых репрессий на жизненно важные для общества сферы. «С[ергей] Ф[едорович] <Дмитриев> нарисовал ужасающую картину развала. Безумным или паническим террором разрушены контрольные государственные медицинские учреждения. Не знаешь, что это — вредительство, о котором столько пишут — и тогда это исходит из НКВД, — или паника. После того как арестованы специалисты, которые стояли во главе центр[альных] медиц[инских] бактериол[огических] лабораторий, — сейчас арестованы те главные их помощники — которые фактически все контролировали — люди, которые были единственными знатоками. Их заменить никем нельзя... Создается невозможное моральное окружение. Работать трудно. Разбита вся организация военно-санитарной госуд[арственной] работы в ее контрольных органах... В сущности, сейчас эту — неужели сознательно вредительскую? — работу НКВД видишь на каждом шагу. Она проникает всю нашу жизнь»¹⁷.

Отметив, что ужасный развал охватил не только государственные учреждения, но и всю вообще бытовую жизнь, Вернадский высказал мнение, что одной из его причин стала борьба власть предержащих с православием, широкое применение репрессивных мер против духовенства, массовые аресты священников без каких-либо юридических оснований¹⁸. Вследствие

¹⁶ Там же. С. 336.

¹⁷ Там же. С. 373.

¹⁸ Вернадский указал в этой дневниковой записи, что повод для арестов священников создавался явно несправедливым налогообложением, многократно превосходящим налогообложение других единоличников. Те священники, которые начинали добиваться отмены явно тенденциозных налоговых ставок, арестовывались (Там же). В действительности, антисоветская деятельность чаще всего вменялась священникам на основании одного их статуса. Так, 5 февраля 1938 г. в газете «Правда» была опубликована статья по случаю 20-летия издания Декрета СНК РСФСР об отделении церкви от государства и школы от церкви (23 января 1918 г.), в которой заявлялось: «За спиной церковников стоят антисоветские элементы, которые не раз питались и будут пытаться вредить советскому государству. В Горьковской, Воронежской и ряде других областей разоблачена группа попов-шпионов, попов-диверсантов, ставивших целью свержение советской власти и распродажу Родины. Не все, конечно, попы прямо враждебны советской власти, но **все они приносят вред трудящимся** своим реакционным учением. Капиталистическое окружение будет пытаться вредить и пакостить стране социализма всеми средствами, в том числе через служителей

этого церкви закрывались, что создавало, по словам академика, «глубокое недовольство и расстройство *социального* строя»¹⁹.

21 ноября 1938 года Вернадский записал в своем дневнике: «Невольно и неизбежно всюду разговоры об арестах, являющихся сейчас основным бытовым явлением, разруш[ающим] жизнь»²⁰. В то время в Советском государстве уже началась реализация конкретных шагов, направленных на ограничение произвола при арестах, ведении следствия и осуществления правосудия. Но покотившийся летом 1937 года по нашей стране разрушительный вал массовых репрессий было чрезвычайно трудно остановить — для этого требовались весьма продолжительное время и целая система хорошо подготовленных, продуманных и решительно проводимых в жизнь специальных мер.

Первые признаки подготовки существенных перемен в карательной политике наметились еще весной и летом 1938 года.

8 апреля 1938 года Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение о назначении наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова по совместительству народным комиссаром водного транспорта СССР²¹. Никакого другого рационального основания, кроме создания повода для последующего смещения Ежова с поста руководителя всесильного в то время НКВД СССР, это решение не имело.

Одновременно местными партийными комитетами и прокурором СССР в ряде мест были начаты проверки соблюдения законности при проведении арестов и возбуждении уголовных дел.

7 мая 1938 года Вышинский направил Сталину и Молотову следующий рапорт: «Прокуратурой Союза ССР было получено сообщение Орджоникидзевского краевого комитета ВКП (б) о том, что прокурор Буденновского района Дягилев за нарушения социалистической законности исключен из партии. Для проверки работы Дягилева мною был командирован в Орджоникидзевский край один из моих помощников. Этой

религиозных культов» (выделено мной. — В.Т.) (Путинцев Ф. Церковь и государство // Правда. 1938. № 35 (7360). 5 февраля. С. 3)

¹⁹ Вернадский В.И. Указ соч. С. 373.

²⁰ Там же. С. 380.

²¹ Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) о назначении Н.И. Ежова по совместительству наркомом водного транспорта СССР // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 516.

проверкой установлено, что Дягилев применял массовые необоснованные аресты и привлечение к уголовной ответственности работников сельского и колхозного актива по статьям о контрреволюционных преступлениях. Так, из 30 дел, возбужденных Дягилевым по ст. 58–7 УК (вредительство) – в 22 делах были установлены лишь должностные преступления, а 8 дел и вовсе были прекращены за отсутствием состава преступления.

Одновременно установлено, что Дягилев не осуществлял никакого наблюдения за делами, расследовавшимися милицией и практиковал подписывание протоколов допросов, на которых в действительности не присутствовал и в которых участия не принимал. Некоторые же из этих протоколов, как впоследствии оказалось, были работниками милиции фальсифицированы.

По моему распоряжению Дягилев снят с работы и арестован.

Наряду с этим т.т. Шкирятовым и Цесарским, проверявшими работу органов НКВД в Ново-Александровском районе Орджоникидзевского края, установлено, что не только в райотделении НКВД, но и в прокуратуре этого района применялось при допросах арестованных физическое насилие (дело Воротникова, дело Канцфидера и др.). Прокурор Ново-Александровского района Елистратов и, ранее работавший в Ново-Александровском районе следователем, Хуринов – арестованы. За бездействие краевой прокурор Страхов мною с работы снят и из органов прокуратуры отчислен. В Орджоникидзевский край направлена группа квалифицированных прокурорских работников из Прокуратуры Союза и Прокуратуры РСФСР для коренной перестройки работы краевой прокуратуры»²².

Еще более интересным стал случай с отменой по предложению прокурора СССР расстрельного приговора за контрреволюционные, антигосударственные преступления, утвержденного Политбюро ЦК ВКП (б). Вышинского до сих пор часто упрекают в том, что он якобы считал достаточным доказательством (и даже лучшим – «царицей доказательств») признательные показания обвиняемых. Исход нижеследующего дела является еще одним опровержением данного мифа.

28 июня 1938 года прокурор СССР обратился к Сталину и Молотову с прошением о приостановлении до окончания нового расследования исполне-

²² Рапорт прокурора СССР А.Я. Вышинского в ЦК ВКП (б) И.В. Сталину и в СНК СССР В.М. Молотову. 7 мая 1938 г. // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 884. Л. 112-113.

ния приговора о расстреле, вынесенного Военным трибуналом Ленинградского военного округа 23–27 мая 1937 года в отношении Л.А. Быкова, Н.Г. Федотова и П.С. Артемьева. Данный приговор был 4 июня 1938 года утвержден решением Комиссии Политбюро по судебным делам, а 10 июня того же года прошел утверждение и на Политбюро. Однако после этого, как указал Вышинский, в прокуратуру СССР «поступили заявления осужденных и их родственников, серьезно опорочивающие данные предварительного и судебного следствия»²³.

1 июля 1938 года Политбюро постановило «принять предложение тов. Вышинского о приостановлении приговора по делу Быкова Л.А., Федотова Н.Г. и Артемьева П.С., осужденных за контрреволюционную, вредительскую деятельность, для дополнительного расследования»²⁴.

21 августа 1938 года прокурор СССР снова обратился в Политбюро ЦК ВКП (б) в связи с этим делом — на этот раз, чтобы доложить о результатах проведенного дополнительного расследования. Он сообщил, что во время предварительного следствия следователь НКВД Шмальц «действительно побуждал обвиняемых путем угроз, с одной стороны, и незаконных задабриваний, с другой, к даче ложных показаний. Так, в процессе следствия и во время суда те из обвиняемых, которые соглашались на дачу вымышленных показаний, получали неоднократно свидания с женами, вели разговоры с родственниками по телефону, получали неограниченно продуктовые передачи.

Приобщенные к делу документы не подтверждают показаний обвиняемых об их диверсионной деятельности, об организации ими отравлений и т.п. Показания обвиняемых об их связи с руководителями ленинградской право-троцкистской организации не нашли себе подтверждения в показаниях разоблаченных и репрессированных участников этих организаций, на которых ссылались обвиняемые. Считаю, что при наличии указанных выше обстоятельств приговор Военного трибунала по делу не может быть оставлен в силе.

Прошу: 1) отменить решение комиссии ПБ по судебным делам от 10/VI-1938 года О расстреле по приговору Военного трибунала Ленинградского

²³ Записка прокурора СССР А.Я. Вышинского в Политбюро ЦК ВКП (б). 1 июля 1938 г. // РГАСПИ. Ф.17. Оп.166. Д.590. Л.152.

²⁴ Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) п. 62/139 «Вопрос т. Вышинского» // РГАСПИ. Ф.17. Оп.166. Д.590. Л. 151.

военного округа от 23–27/V – Быкова Л.А., Федотова Н.Г. и Артемьева П.С.; 2) разрешить Военной коллегии Верховного суда Союза ССР пересмотреть дело Быкова и др., отменив первоначальный приговор Военного трибунала Ленинградского военного округа и направив дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия; 3) разрешить следователей, виновных в неправильном ведении следствия, привлечь к ответственности»²⁵.

Политбюро ЦК ВКП (б) постановлением от 25 августа 1938 года приняло данное предложение Вышинского²⁶.

Документы показывают, что летом 1938 года продолжалась репрессивная операция против «бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» на основании изданного 30 июля 1937 года оперативного приказа наркома внутренних дел № 00447, хотя все назначенные для ее окончания сроки уже прошли. 31 июля 1938 года Политбюро ЦК ВКП (б) приняло очередное постановление об увеличении лимита репрессированных для Дальневосточного края. По первой, расстрельной, категории был утвержден предложенный краевым комитетом ВКП (б) лимит на 15 000 человек, по второй категории, предполагавшей лишение свободы, – 5 000 человек²⁷.

29 августа 1938 года Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление об увеличении лимита для репрессий на 3 000 человек по такой же операции для Читинской области. С просьбой об этом выступил Читинский обком ВКП (б)²⁸.

Тем не менее общий курс на изменения в карательной политике и смену руководства НКВД СССР не менялся.

²⁵ Записка А.Я. Вышинского в Политбюро ЦК ВКП (б). 21 августа 1938 г. // РГАСПИ. Ф.17. Оп.166. Д.591. Л.88–89.

²⁶ Документов, показывающих окончательный исход этого судебного дела, обнаружить не удалось. Но скорей всего обвинение с подсудимых было все же снято и они вышли на свободу. В противном случае Вышинский вряд ли выступил бы с предложением отменить решение комиссии Политбюро по судебным делам. В четвертом томе издания «Блокада, 1941–1944, Ленинград: Книга памяти», вышедшем в 1998 г., есть следующая запись: «Быков Лазарь Александрович, 1896 г. р. Дата смерти: январь 1944. Место захоронения: Пискаревское кладб.». Очень похоже, что это тот самый Лазарь Александрович Быков, который в мае 1938 г. Был приговорен Военным трибуналом Ленинградского военного округа к расстрелу (правда, в судебном деле датой его рождения указан не 1896-й, а 1895 год).

²⁷ Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) об увеличении лимита по кулацкой операции для ДВК. 31 июля 1938 г. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. С. 544.

²⁸ Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) об увеличении лимита по кулацкой операции для Читинской области. 29 августа 1938 г. // Там же. С. 546.

21 августа 1938 года Политбюро приняло постановление о назначении М.П. Фриновского народным комиссаром военно-морского флота СССР с освобождением его от обязанностей первого заместителя народного комиссара внутренних дел СССР. На эту должность был утвержден Л.П. Берия, оставивший для этого пост первого секретаря ЦК КП (б) Грузии. Вряд ли кто-то сомневался тогда в НКВД, что Берии предстоит заменить Ежова.

8 октября 1938 года Решением Политбюро была создана комиссия в составе Ежова (председатель), Берия, Вышинского, Рычкова и Маленкова для разработки в десятидневный срок проекта «постановления ЦК, СНК и НКВД о новой установке по вопросу об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия»²⁹.

Вечером 15 ноября 1938 года в кремлевском кабинете Сталина состоялось заседание Политбюро с участием прокурора СССР Вышинского. Помимо прочих вопросов был рассмотрен вопрос прокуратуры СССР. В результате члены Политбюро утвердили подготовленный А.Я. Вышинским проект директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) наркомам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам областных, краевых управлений НКВД, прокурорам краев, областей, автономных и союзных республик, прокурорам военных округов, железнодорожного и водного транспорта, председателям Верховного Суда СССР, верховных судов союзных и автономных республик, Военной коллегии Верховного Суда СССР, председателям трибуналов военных округов. Секретарям ЦК нацкомпартий, обкомов, крайкомов. Директива гласила: «Строжайше приказывается:

1. Приостановить с 16 ноября сего года впредь до распоряжения рассмотрение всех дел на тройках, в военных трибуналах и в Военной коллегии Верховного Суда СССР, направленных на их рассмотрение в порядке особых приказов или в ином упрощенном порядке.

2. Обязать прокуроров военных округов, краев и областей, автономных и союзных республик проследить за точным и немедленным исполнением.

Об исполнении донести НКВД СССР и Прокурору Союза ССР»³⁰. Текст этого документа был подписан председателем СНК СССР Молотовым и секретарем ЦК ВКП (б) Сталиным.

²⁹ Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». 8 октября 1938 г. // Там же. С. 562.

³⁰ Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «Вопрос прокуратуры СССР». 15 ноября 1938 г. // Там же. С. 606.

Так началось осуществление целой системы мер по ограничению репрессий.

17 ноября 1938 года Совет Народных Комиссаров СССР и Центральный Комитет ВКП (б) издали совместное Постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В начале его отмечалось, что «за 1937–38 г.г., под руководством партии, органы НКВД проделали большую работу по разгрому врагов народа и очистке СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров из троцкистов, бухаринцев, эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов, белогвардейцев, беглых кулаков и уголовников, представлявших из себя серьезную опору иностранных разведок в СССР и, в особенности, разведок Японии, Германии, Польши, Англии и Франции»³¹.

Это заявление фактически оправдывало осуществлявшиеся до этого в массовом порядке репрессивные операции. При этом утверждалось, что дело «очистки СССР от шпионов, вредителей, террористов и диверсантов» еще не окончено. «Задача теперь заключается в том, чтобы, продолжая и впредь беспощадную борьбу со всеми врагами СССР, организовать эту борьбу при помощи более совершенных и надежных методов»³².

Однако объясняя необходимость решительных перемен в деятельности органов государственной безопасности, постановление от 17 ноября 1938 года содержало вывод, на первый взгляд противоречивший первоначальному заявлению: **«Массовые операции по разгрому и выкорчевыванию вражеских элементов, проведенные органами НКВД в 1937–1938 гг., при упрощенном ведении следствия и суда — не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и Прокуратуры»**³³ (выделено мною. — В.Т.).

По уже сложившейся традиции данные извращения объявлялись следствием подрывной работы врагов народа и шпионов иностранных разведок, пробравшихся в органы НКВД как в центре, так и на местах. Но описание конкретных недостатков в деятельности органов НКВД и прокуратуры показывало, что их истоки руководство ВКП (б) усматривало,

³¹ Постановление Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». 17 ноября 1938 г. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. С. 607.

³² Там же.

³³ Там же.

скорей, в непрофессионализме работников данных органов, чем во вредительстве так называемых врагов народа. Так, в постановлении «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» констатировалось, что «работники НКВД совершенно забросили агентурно-осведомительную работу, предпочитая действовать более упрощенным способом, путем практики массовых арестов, не заботясь при этом о полноте и высоком качестве расследования. Работники НКВД настолько отвыкли от кропотливой, систематической агентурно-осведомительной работы и так вошли во вкус упрощенного порядка производства дел, что до самого последнего времени возбуждают вопросы о предоставлении им так называемых “лимитов” для производства массовых арестов»³⁴.

Вторым крупнейшим недостатком работы органов НКВД в постановлении от 17 ноября 1938 года был назван «глубоко укоренившийся упрощенный порядок расследования, при котором, как правило, следователь ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботится о подкреплении этого признания необходимыми документальными данными (показания свидетелей, акты экспертизы, вещественные доказательства и проч.)»³⁵.

Далее указывалось, что арестованный часто не допрашивается в течение месяца после ареста, иногда и больше. При допросах не всегда ведутся протоколы допроса. «Очень часто протокол допроса не составляется до тех пор, пока арестованный не признается в совершенных им преступлениях. Нередки случаи, когда в протокол допроса вовсе не записываются показания обвиняемого, опровергающие те или другие данные обвинения»³⁶.

Досталось в рассматриваемом постановлении и органам прокуратуры. Они упрекались в том, что не принимали со своей стороны «необходимых мер к устранению этих недостатков, сводя, как правило, свое участие в расследовании к простой регистрации и штампованию следственных материалов». На основании данных фактов был сделан жесткий вывод: «Органы прокуратуры не только не устраняют нарушений революционной законности, но фактически узаконивают эти нарушения»³⁷.

³⁴ Там же. С. 608.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 609.

Стремясь ликвидировать отмеченные недостатки и привести следственную работу органов НКВД и Прокуратуры в надлежащее состояние, СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановили:

Во-первых, «запретить органам НКВД и Прокуратуры производство каких-либо **массовых операций** по арестам и выселению. В соответствии со ст. 127 Конституции СССР аресты производить **только по постановлению суда или с санкции прокурора**» (выделено мною. — В.Т.);

во-вторых, «ликвидировать судебные тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР, а также тройки при областных, краевых и республиканских управлениях РК милиции». Все дела надлежало с этого момента передавать, в соответствии с действующими законами о подсудности, на рассмотрение судов или Особого Совещания при НКВД СССР;

в-третьих, органам НКВД было приказано производить аресты в строгом соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 июня 1935 года, то есть лишь с согласия соответствующего прокурора. При этом в постановлении обращалось внимание на обязанность органов НКВД при истребовании от прокуроров санкций на арест «представлять мотивированное постановление и все, обосновывающие необходимость ареста материалы». Органам же прокуратуры вменялась обязанность не допускать производства арестов без достаточных оснований;

в-четвертых, постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17 ноября 1938 года потребовало от НКВД СССР «обеспечить назначение следователями в центре и на местах лучших, наиболее проверенных политически и **зарекомендовавших себя на работе квалифицированных** членов партии»³⁸ (выделено мною. — В.Т.);

в-пятых, постановление жестко требовало от НКВД и прокуратуры в точности соблюдать нормы уголовно-процессуальных кодексов.

Заканчивалось Постановление от 17 ноября 1938 года «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» грозным предостережением: «СНК СССР и ЦК ВКП(б) обращают внимание всех работников НКВД и прокуратуры на необходимость решительного устранения отмеченных выше недостатков в работе органов НКВД и прокуратуры и на исключительное значение организации всей следственной и прокурорской работы по-новому.

³⁸ Там же. С. 610.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) предупреждают всех работников НКВД и прокуратуры, что за малейшее нарушение советских законов и директив партии и правительства каждый работник НКВД и прокуратуры, невзирая на лица, будет привлекаться к суровой судебной ответственности»³⁹.

24 ноября 1938 года Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение об освобождении Н.И. Ежова от обязанностей народного комиссара внутренних дел СССР на основании поданной им накануне просьбы. За бывшим руководителем НКВД СССР были сохранены должности секретаря ЦК ВКП (б), председателя комиссии партийного контроля и наркома водного транспорта.

25 ноября, как и ожидалось, новым наркомом внутренних дел СССР был назначен Л.П. Берия. На следующий день после своего вступления в должность он издал приказ № 00762 «О порядке осуществления Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17 ноября 1938 года». Данное постановление, заявил Берия, «вскрывает серьезные недостатки и извращения в работе органов НКВД и прокуратуры и указывает пути подъема работы нашей советской разведки в деле окончательного разгрома врагов народа и очистки нашей страны от шпионско-диверсионной агентуры иностранных разведок, от всех предателей и изменников родины»⁴⁰.

В целях исполнения Постановления от 17 ноября 1938 года Л.П. Берия обязал все органы НКВД руководствоваться содержащимися в нем указаниями. Лаврентий Павлович повторил их в своем приказе, добавив необходимые пояснения. Так, указав на необходимость «немедленно прекратить производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению», он дополнил это предписание расшифровкой понятия массовых операций: «... понимая под массовыми операциями групповые аресты или выселение без дифференцированного подхода к каждому из арестуемых и выселяемых лиц и предварительно всестороннего рассмотрения всех имеющихся на него обвинительных материалов»⁴¹.

³⁹ Там же. С. 610–611.

⁴⁰ Приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР «О порядке осуществления постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года». 26 ноября 1938 г. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. С. 612.

⁴¹ Там же. С. 613.

Новый нарком внутренних дел СССР приказал также «снабдить весь состав оперативных работников НКВД центра и на местах экземплярами уголовных кодексов и уголовно-процессуальных кодексов»⁴².

Народным комиссарам внутренних дел союзных и автономных республик и начальникам областных и краевых УНКВД предлагалось провести совещания, на которых зачитать текст настоящего приказа и дать необходимые разъяснения.

Завершался приказ обращением наркома к органам НКВД с требованием добиться при осуществлении постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17 ноября 1938 г. «скорейшего и решительного устранения всех недостатков и извращений в своей работе и коренного улучшения организации дальнейшей работы за полный разгром всех врагов народа, за очистку нашей родины от шпионско-диверсионной агентуры иностранных разведок, обеспечив, тем самым дальнейшие успехи социалистического строительства»⁴³.

2

27 ноября 1938 года прокурор СССР издал приказ № 1/001562 «О надзоре за исполнением постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. “Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствии”». Днем ранее его текст был утвержден членами Политбюро ЦК ВКП (б) и таким образом получил значение партийной директивы⁴⁴.

В преамбуле приказа отмечалось, что указанное постановление «вскрыло грубые недостатки и ряд извращений в работе органов прокуратуры и НКВД и дало в руки работников прокуратуры и НКВД могучее средство искоренения этих недостатков и извращений, могучее средство для дальнейшего улучшения нашей работы, для самоотверженной и честной, большевистской борьбы со всеми врагами народа с фашистской, троцкистско-бухаринской и иной агентурой иностранных разведок и всеми изменниками родине»⁴⁵.

Приказ вменил всем прокурорам в «первейшую обязанность» строго соблюдать требования, установленные совместным актом СНК СССР и ЦК

⁴² Там же. С. 615.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Записка А.Я. Вышинского И.В. Сталину и В.М. Молотову о проекте приказа № 1/001562. 26 ноября 1938 г. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 618.

⁴⁵ Приказ прокурора Союза ССР [№ 1/001562 «О надзоре за исполнением Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.】// Там же. С. 619.

ВКП(б) от 17 июня 1935 года «О порядке производства арестов» и нормами уголовно-процессуальных кодексов союзных республик.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 июня 1935 года предписало органам НКВД осуществлять аресты по всем без исключения делам «лишь с согласия соответствующего прокурора»⁴⁶. Разрешения на аресты в районах должны были даваться районными прокурорами, в автономных республиках – прокурорами этих республик, в краях (областях) – краевыми (областными) прокурорами. Разрешения на аресты, производимые непосредственно Народными комиссариатами внутренних дел Союзных Республик, требовалось получать у прокуроров этих республик, а на аресты, производимые непосредственно Народным комиссариатом внутренних дел СССР, – у прокурора Союза⁴⁷.

Издание наркомом внутренних дел СССР Н.И. Ежовым 30 июля 1937 года оперативного приказа № 00447 «об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», запустившее механизм массовых репрессий, создало новый порядок арестов, не требовавший прокурорской санкции. Вышинский признал это и своей «строго секретной» шифрограммой от 7 августа 1937 года известил всех прокуроров союзных и автономных республик, краев, областей и автономных областей, военных округов и железных дорог о том, что они обязаны присутствовать на заседаниях судебных троек, но при этом не должны требовать соблюдения процессуальных норм и предварительных санкций на аресты⁴⁸.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствии» ликвидировало все судебные тройки, в том числе и те, которые были созданы особыми приказами НКВД СССР. Соответственно было восстановлено действие Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 июня 1935 года «О порядке

⁴⁶ «О порядке производства арестов». Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) от 17 июня 1935 г. // Политбюро и органы государственной безопасности / сост., вступ. ст., коммент. О. Б. Мозохина. М., 2017. С. 437.

⁴⁷ Там же. С. 438.

⁴⁸ Подробнее об этой шифрограмме см.: *Томсинов В.А.* Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954): государственный деятель и правовед. Статья тридцать третья // Законодательство. 2020. № 4. С. 93–94.

производства арестов»⁴⁹. Своим приказом от 27 ноября 1938 года Вышинский обязал прокуроров строго выполнять требования данного постановления, но при этом внес в предусмотренный им порядок прокурорского санкционирования арестов некоторые изменения.

Согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17 июня 1935 года районные прокуроры давали санкции на аресты по общему правилу, т.е. во всех подобных ситуациях. Вышинский же предписал в приказе от 27 ноября 1938 года, чтобы санкции на арест давались только прокурорами союзных и автономных республик, краев, областей, автономных областей и округов. Районным и городским прокурорам он разрешил давать санкции на аресты «лишь в исключительных случаях и с немедленным сообщением об этом областному и краевому прокурору»⁵⁰.

Вышинский не указал, какие случаи он считал исключительными. Их определение было дано в примечании к четвертому пункту приказа наркома внутренних дел Союза СССР Л.П. Берии от 26 ноября 1938 года «О порядке осуществления постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года». В этом примечании говорилось: «Районные отделения НКВД, расположенные в местностях, отдаленных от областных, краевых или республиканских центров (список прилагается), имеют право производства арестов по согласованию с районным прокурором, без предварительной

⁴⁹ 1 декабря 1938 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение заменить изданное 17 июня 1935 г. постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О порядке производства арестов» новым актом в виду того, что оно «в некоторых своих частях устарело» и нуждалось в уточнениях. Новое постановление СНК и ЦК ВКП (б) называлось «О согласовании арестов». Большинство внесенных поправок имело редакционный характер, связанный с принятием новой Конституции и изменением названий государственных органов (ЦИК Союза ССР заменили на Верховный Совет СССР и т.д.). Но некоторые изменения были существенными. Так, постановление от 17 июня 1935 г. предусматривало возможность арестов коммунистов, занимавших руководящие должности в наркоматах Союза и приравненных к ним центральных учреждениях, «по получении на то согласия председателя Комиссии Партийного Контроля». Постановление от 1 декабря 1938 г. Требовало в этом случае получить «согласие Секретариата ЦК ВКП(б)». Аресты военнослужащих высшего, старшего и среднего начальствующего состава РККА в силу постановления от 17 июня 1935 г. Нуждались в согласовании «с Наркомом обороны»; по новому постановлению — «с Наркомом обороны или Наркомом Военно-морского флота, по принадлежности» («О согласовании арестов»). Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 1 декабря 1938 г. // Политбюро и органы государственной безопасности. С. 516).

⁵⁰ Приказ прокурора Союза ССР [№ 1/001562 «О надзоре за исполнением Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.]. С. 619.

санкции, но с последующим немедленным извещением вышестоящих органов НКВД о произведенном аресте»⁵¹.

В пункте 2 своего приказа от 27 ноября 1938 года Вышинский, потребовав от прокуроров «строго руководствоваться ст. ст. 147 и 158 УПК РСФСР⁵² и соответствующими им статьями УПК других союзных республик», предписал: «При даче санкций на аресты требовать от органов НКВД представления мотивированных постановлений с точным указанием обстоятельств, изображающих данное лицо в совершении преступления, и оснований, вызывающих необходимость ареста, руководствуясь строго индивидуальным подходом в каждом отдельном случае. Запретить дачу санкций на аресты по телефону, по справкам, меморандумам и т.п.»⁵³.

Четвертым пунктом приказа Вышинский установил порядок прокурорского надзора за следствием, позволявший проверить, как прокуроры исполняют при этом свои обязанности. Он потребовал: «Во всех случаях дачи санкций на аресты немедленно заводить на каждое, подлежащее аресту лицо наблюдательное производство. В наблюдательном производстве должны находиться: копия представленного органами НКВД постановления об аресте с отметкой прокурора о даче санкции на арест, с указанием часа, дня, месяца и года дачи санкции, а также все поступающие впоследствии по этому делу материалы. В наблюдательном производстве должны также находиться копии всех постановлений и указаний, даваемых по настоящему делу в ходе осуществления прокурорского надзора за следствием»⁵⁴.

⁵¹ Приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР «О порядке осуществления постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года». 26 ноября 1938 г. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. С. 613.

⁵² В статье 147 действовавшего в то время УПК РСФСР говорилось: «При разрешении вопросов о необходимости принять меру пресечения, а также об избрании той или иной из означенных мер следователь принимает во внимание: важность преступления, приписываемого обвиняемому, тяжесть имеющихся против него улик, вероятность возможного со стороны обвиняемого уклонения от следствия и суда или препятствования раскрытию истины, состояние здоровья обвиняемого, род занятий и другие обстоятельства». Статья 158 устанавливала следующее правило: «Заключение под стражу в качестве меры пресечения допускается лишь по делам о преступлениях, за которые судом может быть назначено лишение свободы, при наличии определенных данных для опасения, что обвиняемый, находясь на свободе, будет препятствовать раскрытию истины или скроется от следствия или суда, причем орган, избирающий меру пресечения, обязан учитывать тяжесть улик против обвиняемого, род его занятий, возраст, состояние здоровья и семейное положение» (*Строгович М.С., Карницкий Д.А.* Уголовно-процессуальный кодекс. М., 1934. С. 63–64)

⁵³ Приказ прокурора Союза ССР [№ 1/001562 «О надзоре за исполнением Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.]. С. 619.

⁵⁴ Там же.

В пятнадцатом пункте приказа. Вышинский напомнил прокурорам о том, что они имеют полномочие прекращать дело в случаях установления ими «во время следствия или по окончании следствия недостаточности оснований для предания подследственного суду, составлять мотивированное постановление о прекращении дела и направлять его в соответствующие органы НКВД для исполнения»⁵⁵.

Приказ прокурора СССР от 27 ноября 1938 года, посвященный надзору за исполнением изданного десятью днями ранее постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствии», отражал стремление руководства ВКП (б) и прокурора СССР превратить прокуратуру в инструмент обуздания широкомасштабного и жесточайшего произвола, творившегося сотрудниками НКВД. Между тем органы прокуратуры не просто допускали и покрывали этот произвол, но и сами его совершали. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» обвиняло в грубейших нарушениях законов в первую очередь и преимущественно органы НКВД, но такое обвинение касалось и прокуратуры, причем как местных, так и центральных ее органов. Говорилось о безответственном отношении работников НКВД и прокуратуры к следственному произволу и о грубых нарушениях ими процессуальных правил, установленных законом. Эти деяния приписывались, правда, пробравшимся в органы НКВД и прокуратуры врагам народа — якобы именно они «сознательно извращали советские законы, совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы, привлекая к уголовной ответственности и подвергая аресту по

⁵⁵ Там же. С. 621. В действовавшем в то время УПК РСФСР порядок прекращения дела регулировался нормами, изложенными в статьях 204 и 221. Статья 204 устанавливала, что «орган расследования прекращает дело: а) при наличии оснований, указанных в ст. 4; б) при недостаточности улик для предания обвиняемого суду». В статье 221 говорилось: «Получив дело от органа, производившего расследование, следователь или прокурор: а) приостанавливает или прекращает производство при наличии к тому оснований». Эти основания были перечислены в статье 4. К ним относились: смерть обвиняемого; примирение обвиняемого с потерпевшим «по делам, возбуждаемым не иначе, как по жалобе потерпевшего»; отсутствие жалобы потерпевшего «по делам о преступлениях, возбужденным не иначе, как по таковым жалобам»; истечение срока давности, отсутствие «в действиях, приписываемых обвиняемому, состава преступления; акт амнистии, если таковая исключает наказуемость деяния, совершенного обвиняемым, или помилование отдельных лиц.

пустяковым основаниям и даже вовсе без всяких оснований, создавали с провокационной целью “дела” против невинных людей, а в то же время принимали все меры к тому, чтобы укрыть и спасти от разгрома своих соучастников по преступной антисоветской деятельности»⁵⁶.

В действительности главным истоком грубейших нарушений советских законов, совершавшихся в органах НКВД и прокуратуры, являлись не политические, а личные корыстные мотивы их сотрудников. Массовые репрессивные операции, проводившиеся в 1937–1938 годы по специально созданным для них упрощенным процедурам, которые противоречили общим принципам уголовно-процессуального права и не соответствовали конкретным нормам действовавших в то время уголовно-процессуальных кодексов союзных республик, позволили органам НКВД и прокуратуры получить огромные и фактически бесконтрольные полномочия. Количество арестованных в 1937 году по сравнению с предыдущим годом увеличилось более, чем в 7 раз (в 1936 г. — 131 168 чел., в 1937 г. — 936 750 чел.)⁵⁷, а количество осужденных почти в 20 (!) раз (в 1936 г. — 40 041 чел., в 1937 г. — 790 665 чел.)⁵⁸. Контролировать действия НКВД и прокуратуры, связанные с арестом и преданием суду такой массы людей, было просто невозможно. Массовые репрессивные операции неизбежно приобретали стихийный характер. В этих условиях личные корыстные интересы работников НКВД и прокуратуры, выступавших инструментом репрессий, закономерно становились преобладающим мотивом их деятельности.

Прокурор СССР регулярно получал сообщения о преступлениях, совершавшихся должностными лицами, главной функцией которых как раз и являлась борьба с преступностью.

Так, 26 сентября 1938 года Вышинскому была направлена поступившая в Центральный комитет ВКП (б) копия записки первого секретаря Бурят-

⁵⁶ Постановление Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». 17 ноября 1938 г. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. С. 609.

⁵⁷ Справки 1 спецотдела МВД СССР о количестве арестованных и осужденных органами ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ СССР в 1921–1953 гг. от 11 декабря 1953 г. // ГА РФ. Фонд 9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 201–205 (подлинник, рукопись). Опубликовано: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2000. С. 433. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. Март 1953–февраль 1956. М., 2000. С. 77.

⁵⁸ Там же.

Монгольского обкома ВКП (б) С. Д. Игнатьева⁵⁹ «О работе органов прокуратуры в Бурят-Монгольской АССР», в которой сообщалось: «Работа прокуратуры Бурят-Монгольской АССР и ее местных органов вызывает серьезную тревогу и сомнение в правильности осуществления революционной законности и прокурорского надзора в республике. Надзор за деятельностью милиции и судебных органов осуществляется недопустимо плохо. Вследствие этого до сих пор имеют место случаи безнаказанного нарушения Конституции работниками этих органов (незаконные аресты, длительная задержка рассмотрения судебных дел и т.д.). Кассационная коллегия Верх[овного] суда только за 6 месяцев 1938 года прекратила дела 112 человек, находившихся под стражей. Этот факт подтверждает слабость прокурорского надзора за деятельностью судебных органов. В работе прокуратуры часто встречаются случаи, когда арестовываются люди без серьезной проверки поступивших на них материалов, а затем, после длительного заключения в тюрьме, освобождаются в виду отсутствия состава преступления»⁶⁰.

Приведенные С.Д. Игнатьевым факты злоупотреблений свидетельствовали со всей очевидностью о корыстном мотиве действий работников прокуратуры. Согласно сообщению, «около 8 месяцев находился под стражей, по обвинению во вредительстве, директор Хандагатайской узкоколейной ж.д. член ВКП (б), Вигдорчик, успевший проработать в Бурят-Монголии не более 40 дней. При аресте у Вигдорчика было изъято личное имущество и теперь расхищено. Арест Вигдорчика санкционировал, по ложным материалам, пом. Прокурора Бурят-Монгольской АССР Карташов и сам вел дело. Получив от Вигдорчика два заявления из тюрьмы, обком поручил прокурору республики т. Феофилактову лично ознакомиться с делом и ускорить его производство, сообщив о результатах обкому. Т. Феофилактов не нашел нужным просмотреть дело и сообщил, что “Вигдорчик – серьезный преступник”, а спустя месяц Вигдорчик был освобожден из-под стражи и реабилитирован»⁶¹.

⁵⁹ С 9 августа 1951 г. по 15 марта 1953 г. Семен Денисович Игнатьев занимал пост министра государственной безопасности СССР и сыграл огромную роль в политических событиях, происходивших в это время в Советском государстве.

⁶⁰ *Игнатьев С.Д.* Заместителю заведывающего (так в оригинале. — *В.Т.*) ОРПО ЦК ВКП (б) тов. Донскому. О работе органов прокуратуры в Бурят-Монгольской АССР. 23 сентября 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп.37. Д.116. Л. 3.

⁶¹ Там же. Л. 4.

В своем письме С.Д. Игнатьев, с одной стороны, описал целый ряд случаев ареста и длительного (по 8 месяцев) содержания в тюрьме лиц, не совершивших никаких преступлений и лишенных свободы только по доносам, без каких-либо иных оснований, а с другой стороны, обратил внимание на факты бездействия прокуратуры в отношении лиц, совершивших явные преступления, например растраты государственных средств в торгующих организациях. Все это позволило первому секретарю Бурят-Монгольского обкома ВКП (б) констатировать: «Освобождая из-под стражи лиц, арестованных без основания, прокуратура не привлекла и не привлекает к ответственности клеветников, несмотря на указания ОК ВКП (б). Следует указать, что наряду с длительным содержанием под стражей лиц, арестованных без серьезных оснований, органы прокуратуры освобождают действительных преступников»⁶².

В ответ на это письмо Вышинский сообщил в ЦК ВКП (б), что в прокуратуре СССР еще до получения записки тов. Игнатьева «имелись сведения о нарушениях советских законов со стороны прокуратуры Бурят-Монгольской АССР и о неудовлетворительной прокурорской работе». В связи с этим еще 1 сентября сего года им был направлен в Бурят-Монголию помощник прокурора РСФСР тов. Раусов «для принятия на месте необходимых мер по проверке работы прокуратуры и по устранению имеющихся недостатков. В настоящее время, — добавил прокурор СССР, — я подбираю нескольких прокуроров для направления на работу в Бурят-Монголию. Что касается ответственности отдельных прокурорских работников за допущенные ими незаконные действия, то этот вопрос будет разрешен после получения от т. Раусова необходимых материалов»⁶³.

Данный случай показывает, как на практике исправлялись Вышинским очевидные злоупотребления, допускавшиеся прокурорскими работниками. Но этот случай примечателен и тем, что демонстрирует бессилие местных партийных руководителей в противостоянии с органами НКВД и прокуратуры. Первый секретарь обкома ВКП (б) автономной республики оказался не в состоянии заставить прокурора республики И.Е.

⁶² Там же. Л. 5.

⁶³ Записка прокурора СССР А.Я. Вышинского зам. зав. ОРПО ЦК ВКП (б) тов. Кокотушкину. 28 сентября 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп.37. Д.116. Л. 1.

Феофилактова⁶⁴ исполнять свои должностные обязанности надлежащим образом и поэтому был вынужден обращаться в Москву.

Подобные нарушения прокурорскими работниками советских законов происходили во всех регионах Советского Союза. 10 октября 1938 г. Вышинский предложил наркому внутренних дел Н.И. Ежову направить в дополнение к двум работникам центрального аппарата прокуратуры СССР сотрудника НКВД в командировку в Якутск для проверки заявления бывшего заместителя прокурора Якутской ССР Верещагина «об извращениях в работе прокуратуры Якутской ССР»⁶⁵.

В данном заявлении сообщалось о том, что прокуратура и органы НКВД Якутии «допускали массовые незаконные аресты», сопровождавшиеся злоупотреблениями. Основания для арестов часто просто придумывались. Так, по решению сотрудника НКВД И.А. Дорофеева и с последующей санкции пом. прокурора Колмогорова были арестованы 4 рабочих за то, что они «в к[онтр]р[еволюционных] целях съели собаку»⁶⁶. Еще один случай, описанный в заявлении Верещагина, относится, видимо, к первой половине 1936 г. и также связан с деятельностью Дорофеева: «На Алдане с ведома прокуратуры было арестовано 1 800 ч[еловек] по подозрению в незаконном переходе границы. В дальнейшем в отношении 1 500 чел. дело было прекращено по ст. 4 п.5 УПК (за отсутствием состава преступления. — В.Т.). Арестованные месяц содержались в пионерском клубе. 18 человек из них умерло. Имущество арестованных, оставленное без присмотра было разворовано. Прокурор Якутии Иванов мер никаких не принял»⁶⁷.

Карьера Ивана Андриановича Дорофеева после этого пошла в гору. 27 июня 1936 года он занял пост заместителя наркома внутренних дел Якутской ССР, а 11 июля 1937 года капитан госбезопасности Дорофеев был назначен на пост наркома этой автономной республики. Но проверка деятельности органов НКВД и прокуратуры Якутии, организованная А.Я. Вышинским, изменила ситуацию. 26 декабря 1938 года И.А. Дорофеев был снят с должности наркома внутренних дел Якутской АССР, а 17 апреля 1939 года

⁶⁴ Иван Ефремович Феофилактос занимал пост прокурора Бурято-Монгольской АССР до августа 1939 г.

⁶⁵ Записка прокурора СССР А.Я. Вышинского народному комиссару внутренних дел Н.И. Ежову. 10 октября 1938 г. // ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 116. Л. 44.

⁶⁶ Заключение по жалобе б[ывшего] зам. прокурора Якутской АССР Верещагина. 8 октября 1938 г. // ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 116. Л. 46.

⁶⁷ Там же.

арестован. 16 января 1940 года Политбюро ЦК ВКП (б) выдало санкцию на приговор Дорофееву по первой категории (к высшей мере наказания), и уже 21 января 1940 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к расстрелу. На следующий день данный приговор был приведен в исполнение. Иван Андрианович являлся членом ВКП (б) с августа 1917 года, но звание «старого большевика» не помогло ему избежать столь плачевной участи. В 1999 году Верховный суд отказал в удовлетворении просьбы о реабилитации И.А. Дорофеева. Это означает, что он был осужден именно за свои злоупотребления при арестах и ведении следствия.

Данный случай показывает, что расследование правонарушений работников органов внутренних дел и прокуратуры в отношении арестованных началось еще до издания постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Но очевидно, что после 17 ноября 1938 года оно резко активизировалось.

29 ноября 1938 года в адрес прокурора Союза ССР было направлена докладная записка прокурора БССР С.Я. Новика о незаконных действиях работников НКВД Белоруссии. В конце своей записки Самуил Яковлевич отметил, что обо всех фактах злоупотреблений со стороны работников НКВД он сообщил наркому внутренних дел БССР тов. А.А. Наседкину и поставил перед ним вопрос «о прекращении подобных действий работников НКВД и исправлении допущенных нарушений с привлечением виновных к ответственности»⁶⁸. Ознакомившись с этим документом, Вышинский обратился к народному комиссару внутренних дел Л.П. Берии со следующим письмом:

«По сообщению прокурора БССР работники органов НКВД БССР в ряде случаев допускают незаконные действия, выселяя семьи арестованных из квартир и занимая квартиры репрессированных. В подтверждение этого прокурор БССР сообщает о следующих фактах:

1. Семья арестованного в г. Минске Скавронина была сотрудниками НКВД выселена из дома Горсовета и вселена в дом, принадлежащий частному владельцу, а ее квартира была занята работником НКВД Антоновым.

⁶⁸ Докладная записка прокурора БССР С.Я. Новика прокурору СССР А.Я. Вышинскому. 29 ноября 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 17. Д. 117. Л. 78.

2. После ареста в г. Витебске Ткацкого его квартира была занята сотрудником НКВД, несмотря на то, что Ткацкий жил в доме, принадлежащем Лесдревхимсоюзу, права которого на распоряжение своим жилфондом этим были нарушены.

3. В январе с.г. в Витебске был арестован Баумгартке, проживающий в доме, принадлежащем лесному хозяйству. Квартира его была опечатана. После снятия печатей управление лесного хозяйства приступило к ее ремонту, но 12-го августа квартира была вновь опечатана, а 19-го августа в нее вселен сотрудник НКВД Немковский.

4. После ареста в г. Минске гр-ки Вайнштейн ее квартиру занял сотрудник НКВД Бондарев. Вайнштейн была из-под стражи освобождена и была лишена возможности занять свою квартиру.

Этими фактами не исчерпываются все случаи незаконных действий отдельных работников НКВД БССР. Аналогичные факты имели место как в г.г. Минске, Гомеле и др., так и в районах. Сообщая об этом, прошу вашего распоряжения НКВД БССР о прекращении незаконных действий и соблюдения установленного законом порядка использования жилплощади арестованных и репрессированных.

О Вашем распоряжении прошу меня уведомить. А. Вышинский»⁶⁹.

Дата 29 ноября 1938 года, обозначенная на докладной записке С.Я. Новика прокурору СССР, позволяет сделать вывод о том, что появление этого документа было продиктовано не только стремлением прокурора БССР восстановить нарушенные права граждан на жилище. За день до этого — 28 ноября — в НКВД Белоруссии поступил приказ наркома внутренних дел СССР № 0762, требовавший строгого исполнения постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17 ноября 1938 года, в том числе предписания о ликвидации судебных троек и запрете приводить в исполнение вынесенные ими приговоры. Нарком внутренних дел Белоруссии А.А. Наседкин, проигнорировав эти предписания и запреты, приказал своим подчиненным привести приговоры судебных троек в исполнение, датировав этот свой приказ 4-м ноября 1938 года. В результате только по одному городу Минску было незаконно расстреляно 275 человек. Позднее работники белорусского НКВД рассказали на допросах, что к арестованным во время предварительного

⁶⁹ Записка прокурора СССР А.Я. Вышинского на имя наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии. 3 декабря 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 17. Д. 117. Л. 75.

следствия применялись жесткие насильственные меры, причем Наседкин не только поощрял поголовные избиения арестованных, но и часто сам, «проходя по кабинетам, где допрашивались арестованные, и не разбираясь в сущности дела, избивал их»⁷⁰. Возможно, именно нежелание выпускать на свободу заключенных, подвергавшихся издевательствам, заставило наркома внутренних дел БССР отдать приказ об их убийстве.

Однако главным прегрешением Наседкина было признано игнорирование им требований постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17 ноября 1938 года и изданного для его исполнения приказа наркома внутренних дел СССР от 26 ноября 1938 года. Его вина в нарушении прав граждан на жилище, о которых сообщал прокурор БССР С.Я. Новик, лишь дополняла мрачную картину преступлений, совершавшихся белорусским НКВД.

5 декабря 1938 года нарком внутренних дел СССР вызвал наркома внутренних дел БССР к себе в кабинет и потребовал от него объяснения по поводу фактов «нарушения революционной законности» работниками НКВД Белоруссии.

К этому времени в ЦК ВКП (б), прокуратуре и НКВД СССР скопилось немало материалов о преступлениях как сотрудников НКВД Белоруссии, так и самого наркома. 25 ноября 1938 года первый секретарь ЦК КП (б) Белоруссии П.К. Пономаренко направил заведующему отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП (б) Г.М. Маленкову докладную записку «О недостатках и извращениях в работе НКВД Белоруссии, вскрытых в связи с проверкой работников». В ней говорилось, в частности: «В практике работы органов НКВД Белоруссии производились аресты не только без санкции прокуроров, но даже и в таких случаях, когда прокуроры отказывали в санкции на арест».

Прочитав сообщение Пономаренко, Сталин дал указание: «Молотову, Берия лично. Нужно очистить от грязи белорусские органы НКВД, такой грязи немало во всех других республиках и областях»⁷¹. Фактически это была

⁷⁰ Обзорная справка по делу № 21700 (арх. № 975044) по обвинению Наседкина Алексея Алексеевича. 27-29 ноября 1954 г. // Илькевич Н.Н. Фальсификация следствия органами госбезопасности в 1937–1938 гг.: Методы и приёмы. Документы. Палачи и их жертвы. Смоленск, 2013. С. 44.

⁷¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 407. Л. 6-9.

установка на аресты руководящего состава управлений НКВД и наиболее «активных» исполнителей из сотрудников среднего звена

Во время встречи с наркомом внутренних дел СССР нарком внутренних дел Белоруссии не получил возможности оправдать свои прегрешения, поэтому он попытался сделать это докладными записками. 13 декабря 1938 года Наседкин написал первому секретарю ЦК КП (б) Белоруссии П.К. Пономаренко письмо, в котором возложил часть ответственности за преступления сотрудников НКВД БССР на работников прокуратуры. «Если за все время 1937 и 1938 гг., — утверждал Наседкин, — прокуроры, видя и слыша об имевших место нарушениях революционной законности и извращениях в следственной работе, “умывали руки: и не вмешивались, а зачастую штамповали, например, в Орше протоколы, не допрашивая арестованных, то теперь, после письма ЦК ВКП(б) и СНК СССР (имеется в виду постановление от 17 ноября 1938 г. — В.Т.) они перешли к другой крайности — не верят вообще ни одному делу и требуют прекращения дел или выдвигают самые разнообразные требования, зачастую невыполнимые, в силу чего у следователя буквально опускаются руки и он теряется. Этим отличается особенно прокурор пограничных войск тов.[арищ] Соколов, который прямо начинает заявлять, что он не верит в дела, которые ведутся, и требует освобождения арестованных, а его заместитель договорился до того, что заявил: “Для нас безразлично сейчас белогвардеец или рабочий, раз он отказался, значит, его надо освободить”. Прокуроры сейчас, как мне докладывают следователи, при допросах арестованных добиваются у них отказа от показаний и очень довольны бывают, когда это им удается»⁷².

Оправдаться Наседкину не удалось. 17 декабря 1938 года он был снят с должности наркома внутренних дел БССР. На следующий день вышло постановление о его аресте, подписанное Берией и санкционированное заместителем прокурора СССР Г.К. Рогинским. 20 декабря 1938 года Наседкин был арестован⁷³.

⁷² Из докладной записки наркома внутренних дел БССР А.А. Наседкина секретарю ЦК КП(б) Белоруссии тов[арищу] Пономаренко. 13 декабря 1938 г. // Илькевич Н.Н. Фальсификация следствия органами госбезопасности в 1937–1938 гг.: Методы и приёмы. Документы. С. 202–203.

⁷³ 25 января 1940 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила бывшего наркома внутренних дел БССР А.А. Наседкина к высшей мере наказания на основании статей 58-1а и 58-11 УК РСФСР. На следующий день приговор был приведен в исполнение.

В последний день 1938 года Вышинский обратился к секретарю ЦК ВКП (б) Сталину и председателю СНК СССР Молотову с рапортом, в котором доложил: «Прокурор Белорусской ССР сообщил мне по телефону о том, что несмотря на известное распоряжение о прекращении деятельности “троек”, по приказанию начальника Витебского УНКВД Раднова 2 декабря с.г. были расстреляны 25 заключенных, в отношении которых имелись ранее вынесенные решения Витебской “тройки”. Как установлено предварительными данными расследования, акт об исполнении решений в отношении всех расстрелянных был датирован 22-м ноября 1938 г. Об изложенном мною сообщено НКВД СССР т. Берия. Мною дано прокурору БССР распоряжение о расследовании этого дела и привлечении виновных к уголовной ответственности. О результатах расследования доложу дополнительно»⁷⁴.

Данный факт явно встревожил прокурора СССР, раз он решил обратиться непосредственно к высшим руководителям большевистской партии и Советского государства. Какую же опасность увидел Вышинский в этом событии?

3

После издания постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года, осудившего злоупотребления при осуществлении арестов и ведении следствия, в прокуратуру, правительство СССР и ЦК ВКП (б) хлынул поток сообщений о фактах преступлений, совершавшихся работниками НКВД и прокуратуры. Вышинский был вынужден в своих докладных записках руководителям Советского государства признать, что противоправные действия сотрудников государственных органов, призванных бороться с преступностью, были многочисленными и чрезвычайно жестокими.

Так, 20 декабря 1938 года прокурор СССР обратился к наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии с просьбой дать согласие на арест и привлечение к уголовной ответственности семерых руководителей органов НКВД Горьковской области. В записке об этом уголовном деле Вышинский привел материалы предварительного расследования, свидетельствовавшие о том, что «в отделах самого управления НКВД области избиения арестованных и провокационная фабрикация подложных дел имели широкое

⁷⁴ Записка А.Я. Вышинского И.В. Сталину и В.М. Молотову от 31 декабря 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 118. Л. 74.

распространение и носили массовый характер»⁷⁵, что многие сотрудники органов внутренних дел «создавали вымышленные тяжкие обвинения против арестованных», «систематически избивали арестованных, применяли пытки и допускали издевательства над ними: избивали палками, резиновым жгутом, били по голым пяткам и ступням ног, ставили голеньями на линейки, в зимнее время обливали холодной водой, насильно поили грязной водой, выдерживали арестованных на допросах стоя по несколько суток на одной ноге и т.д.»⁷⁶.

Еще более страшная картина преступлений открылась при проверке деятельности УНКВД по Вологодской области.

20 декабря 1938 года второй секретарь Вологодского обкома ВКП (б) Г.И. Овчинников сообщил Вышинскому о грубейших нарушениях законов при арестах и ведении следствия сотрудниками внутренних дел. Для проверки этих фактов прокурор СССР направил в Вологду Д.И. Китаева, помощника Главного военного прокурора. 25 декабря и.о. прокурора Вологодской области А.С. Ксенофонтов представил Вышинскому докладную записку И.В. Анисимова, бывшего начальника бюро исправительно-трудовых работ в Белозерском районном отделении внутренних дел, поданную накануне секретарю обкома ВКП (б) по Вологодской области Овчинникову.

27 декабря Вышинский направил секретарю ЦК ВКП (б) И.В. Сталину и председателю СНК СССР В.М. Молотову письмо, в котором сообщил, что получил информацию о «ряде преступлений, совершенных отдельными сотрудниками УНКВД по Вологодской области», и командировал в Вологду для расследования этих преступлений помощника Главного военного прокурора тов. Китаева⁷⁷.

Обстоятельства, изложенные в записке Анисимова, свидетельствовали, что сотрудники НКВД допускали по отношению к арестованным самые жестокие действия, доходившие нередко до крайней степени изуверства⁷⁸, но

⁷⁵ Докладная записка прокурора СССР А.Я. Вышинского Л.П. Берии о привлечении к уголовной ответственности сотрудников УНКВД Горьковской области. 20 декабря 1938 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 1 Массовые репрессии в СССР. М., 2004. С. 326.

⁷⁶ Там же. С. 325.

⁷⁷ Письмо А.Я. Вышинского в ЦК ВКП (б) тов. Сталину И.В. и в СНК СССР тов. Молотову В.М. от 27 декабря 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37, Д. 118. Л. 52.

⁷⁸ По свидетельству Анисимова, бывший начальник оперативного сектора Белозерского РО НКВД Власов вместе с группой из шести сотрудников внутренних дел в 1937 г., стремясь подготовить больше следственных дел на «тройку» УНКВД, чем другие сектора, арестовали сотни ни в чем

прокурор СССР посчитал необходимым довести эти ужасные факты до сведения руководителей Советского государства. К своему письму он прикрепил две копии заявления Анисимова.

1 февраля 1939 года Вышинский доложил Сталину и Молотову о результатах произведенного помощником Главного военного прокурора Китаевым и группой работников НКВД СССР расследования «серьезнейших преступлений, совершенных рядом сотрудников Вологодского УНКВД». Факты, изложенные в заявлении Анисимова, подтвердились. Более того, стало известно и о многих других случаях арестов и расстрелов невиновных людей, жестоких издевательств следователей над задержанными лицами. «Таких примеров преступных действий тройки УНКВД по Вологодской области следствием установлено значительное количество», — сообщил Вышинский в указанном письме. По его словам, расследованием было установлено:

«1) Быв[ший] начальник Белозерского оперсектора УНКВД лейтенант госбезопасности Власов, получив задание о разработке и выявлении кулацких, антисоветских элементов, занимающихся к/р деятельностью, вместо честного и добросовестного выполнения этого задания встал на путь подлогов и фабрикаций фиктивных дел. В этих целях, Власов и работники оперсектора сержант госбезопасности Воробьев, старший лейтенант чекист запаса Емин, сотрудник Левашов и прикомандированный к оперсектору начальник пограничной школы в Ленинграде капитан Антипов прибыли в исправительно-трудовую колонию № 14 под видом “медицинской комиссии”, якобы для отбора и направления осужденных в другие колонии. Отобрав здесь из отбывавших наказание 100 человек, Власов и его сотрудники составили подложные протоколы допросов обвиняемых, якобы сознавшихся в

неповинных людей и сфабриковали против них обвинения в контрреволюционных преступлениях. «Мне известно, — писал Анисимов, — что по 30-40 человек арестовывали так, что после ареста у следователей был один его паспорт и вписывал в протокол обвиняемому, что ему вздумается, а после этого принуждали подписывать его написанное». При этом следователи «применяли фашистские методы допроса и убивали в кабинетах путем физического насилия тех кто упорно не подписывал протоколы, заготовленные ранее., причем убивали этих лиц железным молотом в голову, окна помещения были заставлены досками и одеждой». Анисимов лично присутствовал на одном из совещаний работников внутренних дел, на котором Власов и начальник Белозерского РО НКВД Портнаго (в оригинале: Портного. — *В.Т.*) сказали своим подчиненным: «По указанию ЦК ВКП (б) мы должны убить около 70 человек, причем бить будем их холодным оружием». Как оказалось, это означало использование в качестве орудия убийства железного молота и топора (Докладная записка секретарю обкома ВКП (б) по Вологодской области, депутату Верховного Совета РСФСР тов. Овчинникову от Анисимова Ивана Вас[ильевича] // ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 118. Л. 54 и 58–59).

совершении тягчайших государственных преступлений. Подписи обвиняемых на этих протоколах были получены под видом подписей на «свидетельствах о болезни». Сфабрикованные, таким образом, дела были переданы на рассмотрение во вне судебном порядке на тройку при УНКВД по Вологодской области и все 100 человек были расстреляны.

2) Власов, Емин, Воробьев, Левашов и начальник Белозерского РО НКВД Портнаго во время допросов доходили до изуверства, применяя к допрашиваемым всевозможные пытки. Дело дошло до того, что во время допросов этими лицами четверо допрашиваемых были убиты.

3) Следствием установлено значительное количество случаев совершенно незаконных и неправильных постановлений троек и осуждения лиц ни в чем не повинных (дело Федосова, Снежко, Трапезникова, Грекова и др.)...»⁷⁹.

В заключительной части своего письма Вышинский привел список арестованных за указанные преступления девяти сотрудников Вологодского УНКВД. «Кроме этих лиц, — добавил он, — арестованы, как уличенные в участии в антисоветском заговоре, быв[ший] начальник Вологодского УНКВД Жупахин и быв[ший] вологодский облпрокурор Дрожжин. Настоящее дело полагал бы заслушать в закрытом заседании Военного трибунала Ленинградского военного округа, но в присутствии узкого состава оперативных работников Вологодского управления НКВД и Вологодской областной прокуратуры. Обвиняемых Власова, Лебедева и Проскурякова, являющихся зачинщиками и организаторами изложенных выше вопиющих преступлений, полагал бы приговорить к высшей мере наказания — к расстрелу, остальных — к длительным срокам лишения свободы. Прошу Ваших указаний»⁸⁰.

Это уголовное дело раскрывает один из самых мрачных эпизодов кровавой вакханалии, получившей в исторической литературе страшное и странное название «массовые репрессии»⁸¹. Оно показывает глубинную

⁷⁹ Письмо А.Я. Вышинского в ЦК ВКП (б) тов. Сталину И.В. и в СНК СССР тов. Молотову В.М. от 27 декабря 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 140. Л. 24–25. Уголовное дело упомянутых Вышинским одиннадцати бывших сотрудников УНКВД по Вологодской области было рассмотрено 25–26 мая 1940 г. в Москве на закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда. Семеро из них были приговорены к высшей мере наказания.

⁸⁰ Там же. Л. 25.

⁸¹ Неслучайно краткая справка об этом уголовном деле вошла в записку комиссии Президиума ЦК КПСС под председательством Н.М. Шверника, созданную постановлением Президиума ЦК КПСС от 19 января 1962 года, для проверки прошедших в 1934–1938 годах судебных процессов по делам о зиновьевских и троцкистских оппозиционных организациях. В данном записке сообщалось:

сущность данного явления, затушеванную исторической мифологией, созданной, с одной стороны, для **оправдания**, а с другой — с целью **разоблачения** репрессивной политики Советского государства, проводившейся в 1937–1938 годы.

Анализ проводившихся в указанное время органами НКВД массовых репрессий лишь с политической или юридической точки зрения не позволяет осознать весь их трагизм, не дает возможности объяснить данный феномен как общественное явление. На мой взгляд, при объяснении сущности массовых репрессий 1937–1938 годов необходимо учитывать не только политические устремления сталинского руководства ВКП (б) и эгоистические интересы партийных секретарей, но также **корпоративные и личные интересы тех, кто выступал главным орудием репрессивной политики.**

Приказы наркома внутренних дел СССР, устанавливавшие порядок осуществления репрессивных мер по отношению к тем или иным группам населения, состав троек, выносивших приговоры; лимиты на количество лиц, подлежащих репрессированию по первой или второй категории (расстрелу или тюремному заключению) — все это предварительно рассматривалось и утверждалось на заседаниях Политбюро ЦК ВКП (б), но исполнение данных приказов оставалось вне поля зрения высшего партийного руководства. Прокуратура была отстранена от осуществления надзора за соблюдением требований, установленных Политбюро. Местные партийные секретари, входившие в состав троек, и руководители органов внутренних дел в республиках, краях, областях, районах вполне могли действовать по своему усмотрению вопреки указаниям из Москвы. Ничто не препятствовало им творить самый разнузданный произвол по отношению к населению, ничто не мешало превышать утвержденные лимиты репрессирования. Сохранилось множество доказательств, что эти лимиты везде и всегда превышались, причем нередко многократно.

«Работники Белозерского райотдела НКВД Вологодской области Анисимов, Воробьев, Овчинников, Антипин и другие в декабре 1937 года вывезли в поле 55 человек, осужденных “тройкой” к расстрелу, и порубили их топорами. В том же райотделе поленьями убили 70-летнюю старуху и 46-летнюю женщину-инвалида (Материалы проверки о нарушениях законности, т. 10, л. 8,61)» (Записка комиссии Президиума ЦК КПСС в Президиум ЦК КПСС о результатах работы по расследованию причин репрессий и обстоятельств политических процессов 30-х годов [не позднее 18 февраля 1963 г.] // Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том 2. Февраль 1956 - начало 80-х годов. М., 2003. С. 589).

Сколько-нибудь эффективный контроль высшего партийного руководства за проведением репрессий был невозможен, даже если бы Политбюро действительно стремилось его установить и поддерживать. Одна из причин состояла в чрезвычайной **массовости** репрессивных операций, предполагавших, по признанию Л.П. Берии, назначенного 25 ноября 1938 года наркомом внутренних дел СССР, **«групповые аресты или выселение без дифференцированного подхода к каждому из арестуемых или выселяемых лиц и предварительного всестороннего рассмотрения всех имеющихся на него обвинительных материалов»**⁸². Именно поэтому в первом своем приказе, изданном 26 ноября 1938 года, новый нарком обязал все органы НКВД «в целях обеспечения неуклонного проведения в жизнь постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года» «немедленно прекратить производство каких-либо массовых операций»⁸³.

Более года — с августа 1937-го и до середины ноября 1938 года — массовые репрессивные операции осуществлялись фактически бесконтрольно. Руководство ВКП (б) по сути отдало население страны на растерзание органам внутренних дел. Вследствие этого одной из важнейших движущих сил, направлявших массовые репрессивные операции, определявших их масштаб и характер в рамках той или иной местности, стали индивидуальные человеческие качества сотрудников НКВД. На почве безнаказанности в их среде быстро и мощно расцвели неистовый карьеризм, умственная ограниченность и самодурство, предельная жестокость, абсолютное пренебрежение человеческими жизнями — все, что проистекало от полной деформации личности, расчеловечивания значительной части работников органов внутренних дел.

Этот фактор массовых репрессий 1937–1938 годов не принимается во внимание в исторической литературе, посвященной данной теме. Во всяком случае, ему не придается большого значения. Между тем материалы уголовных дел, заведенных на сотрудников НКВД после издания постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года, содержание других документов, отражающих осуществление репрессивных мер органами

⁸² Приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР «О порядке осуществления постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года». 26 ноября 1938 г. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 613.

⁸³ Там же.

внутренних дел, очень убедительно, показывают, какое большое – иногда даже определяющее – влияние на ход и характер массовых репрессивных операций имела умственная и нравственная деградация кадрового состава органов НКВД.

Одним из наиболее примечательных документов такого рода является сохранившееся в архиве Новосибирской области письмо помощника начальника 3-го отдела УНКВД по Новосибирской области В.Д. Качуровского первому секретарю обкома ВКП (б) Г.А. Боркову, датированное 14 апреля 1939 года.

Когда Качуровский писал это письмо, он, видимо, уже знал, что 1 апреля 1939 года нарком внутренних дел СССР Берия подписал приказ о его увольнении из органов внутренних дел, согласно п. «в» статьи 38 Положения о прохождении службы начальствующим составом Главного управления государственной безопасности НКВД от 16 октября 1935 года⁸⁴. Поэтому, опасаясь последующего привлечения к уголовной ответственности за фальсификации уголовных дел, издевательства над арестованными, их избиения и т.д., он спешил оправдать эти свои действия. Но как можно было оправдать очевидные преступления? Только одним способом, а именно: показав, что они являются не преступлениями, а всего лишь извращениями или ошибками, причем широко распространенными в системе НКВД. «Никогда не было слышно, чтобы где-либо поставили вопрос о неправильном ведении следствия», – утверждал Качуровский в письме и с полной уверенностью делал вывод: «Это значит, что вся работа следствия считалась законной. Я считаю, что ее и сейчас нельзя считать незаконной по тому периоду»⁸⁵.

Рассуждая о сути имевших место извращений в деятельности органов НКВД, Качуровский уверенно и откровенно писал: «1. Руководство управления и отделов гналось за количеством, а не за качеством следственной работы. 2. Они узаконили упрощенчество до уродливости, формируя только количество и сроки. 3. На целый ряд ответственных участков работы

⁸⁴ Эта запись в приказе об увольнении означала, что его причиной была определена «невозможность использования на работе в Главном управлении государственной безопасности».

⁸⁵ Письмо помощника начальника 3-го отдела УНКВД по Новосибирской области В.Д. Качуровского первому секретарю обкома ВКП (б) Г.А. Боркову о проведении массовых репрессий в Новосибирской области. 14 апреля 1939 г. // *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008. С. 463.

привлекались люди с сомнительным прошлым и настоящим. 4. В сознание аппарата под предлогом особого периода внедрялось чувство пренебрежения к требованиям УК, УПК, т.е. революционной законности. Особенному извращению подверглась ст. 138 УПК⁸⁶. 5. Прокурорский надзор частью забивался в “кусты”, а частью своей беспечностью, легкомыслием, а кое-где и с вражескими целями поощрял нарушение революционной законности, приговаривая: “гони, ребята, пока воля ваша”. Директивы центра, особенно по линейным операциям, не были достаточно четкими, ограничивающими. Они скорее были похожи на наводку на цель, а в своем содержании давали возможность расширительного их толкования. 6. В течение длительного врем[ени], примерно до апреля 1938 г., отсутствовал всякий контроль за работой следователей, а с апреля было лишь несколько попыток такого контроля. 7. В п[артийных] организациях за этот период никогда не подымался вопрос об ошибках следователей, за исключением прямых фактов, так наз[ываемой] “липы”, с подделкой подписей и случаев мародерства. 8. Критика деятельности и работы на оперативных совещаниях или даже п[артийных] собраниях, где бы и когда-либо раздался голос в правильности или неправильности следствия, хотя бы по отдельным моментам — вообще не существовала... В управлении б[орьба] за быстроту оформления следственных материалов была основным требованием к каждому следователю. Никто не вникал в качество этих материалов»⁸⁷.

Далее Качуровский описал факты, позволившие ему сделать указанные выводы о деятельности органов НКВД. Так, вывод о полном отсутствии прокурорского надзора он обосновал тем, что «санкции на арест давались по спискам на 100–200 чел. без предварительного рассмотрения материалов»⁸⁸. Доводы арестованных, даже в тех случаях, когда их невиновность была очевидна, вообще не принимались во внимание следователями, а прокуроры с арестованными не общались.

⁸⁶ В данной статье говорилось: «Допрос обвиняемого начинается предложением рассказать все ему известное по делу, после дачи обвиняемым показаний ему задаются вопросы. В протоколе допроса излагаются показания обвиняемого и отмечаются, по возможности, заданные обвиняемому вопросы и данные им на них ответы.

Показания обвиняемого заносятся в протокол в первом лице и по возможности дословно».

⁸⁷ Письмо помощника начальника 3-го отдела УНКВД по Новосибирской области В.Д. Качуровского. С. 455–456.

⁸⁸ Там же. С. 460.

Признания В.Д. Качуровского касались только деятельности органов внутренних дел в Новосибирской области⁸⁹, но отмеченные им «извращения» были присущи всей системе НКВД СССР. При этом чаще всего раскрытию преступлений в органах НКВД способствовали их сотрудники, уволенные с должностей за какие-либо правонарушения.

27 января 1939 года был снят с должности за перегибы при проведении массовых репрессивных операций начальник УНКВД по Винницкой области И.М. Кораблев. За совершенные преступления ему грозила уголовная ответственность. Чтобы избежать ее, он решился на самоубийство, но прежде чем уйти из жизни, захотел поделиться с тов. Сталиным и другими членами Политбюро ЦК ВКП (б) своими мыслями о состоянии дел в органах НКВД. В письме, написанном 28 января 1939 года, Кораблев осудил стремление наркома Берии заменить всех начальников местных управлений НКВД. «Нельзя же считать, — заявил он, — что за те перегибы и извращения, которые допущены органами НКВД, целиком ответственны б[ывшие] руководящие работники органов НКВД. Виновато центральное руководство и, в первую очередь, виноват т. Ежов, который не мог не понимать, что при таких массовых операциях требовался очень сильный контроль за местами. А делалось наоборот, местам дали полную волю, пустили на самотек, судили о работе по количеству арестованных, а не по качеству работы, потихоньку культивировали от имени т. Ежова необходимость применения физических методов при допросах, поощряли следователей, если которые за сутки получали по 4–6 сознаний. Была такая линия из Центра и ее выполняли. А кто пробовал сомневаться в правильности этой линии, того в лучшем случае снимали с работы, исключали из партии, а чаще сажали. Ведь имеется же куча таких фактов. Мог ли кто-либо в такой обстановке работать иначе, не рискуя сам попасть в положение обвиняемого?»⁹⁰.

⁸⁹ Данные признания, видимо, сыграли свою роль в судьбе Качуровского. Он не был привлечен к уголовной ответственности и в последующем даже занимал руководящие посты, хотя и не слишком высокие, и не в НКВД, а в оборонной промышленности. В сентябре 1943 г. его назначили помощником директора новосибирского предприятия по производству боеприпасов.

⁹⁰ Предсмертное письмо бывшего начальника УНКВД по Винницкой области И.М. Кораблева в Политбюро ЦК ВКП (б) И.В. Сталину. 28 января 1939 г. // Эхо большого террора. Сборник документов в трех томах. Том 3. Чекисты Сталина в тисках «социалистической законности». Эго-документы 1938–1941 гг. М., 2018. С. 66–67. Предпринятая бывшим начальником УНКВД по Винницкой области И.М. Кораблевым попытка самоубийства не удалась. 25 мая 1939 г. его назначили заместителем начальника Архангельского исправительно-трудового лагеря. 18 мая 1940 г. Кораблева был арестован. В обвинительном заключении, составленном 12 апреля 1941 г., он был

28 декабря 1938 года нарком внутренних дел Л.П. Берия издал приказ НКВД СССР «О незаконных методах следствия в УНКВД по Калининской области», в котором предписал арестовать и предать суду военного трибунала 15 руководителей и рядовых сотрудников местных органов НКВД. Основанием для такого решения стали факты, свидетельствовавшие о незаконных методах ведения следствия в УНКВД по Калининской области и изложенные в заявлении сотрудника этого управления младшего лейтенанта государственной безопасности А.Т. Михайлова. Представители НКВД СССР и прокуратуры СССР установили, что «в течение 1938 года в УНКВД по Калининской области, под видом борьбы с контрреволюцией, практиковались массовые аресты граждан без достаточных компрометирующих материалов, иногда и при полном отсутствии таковых. В процессе следствия допускалось извращение методов допроса арестованных, вымогательства ложных показаний, фальсификация протоколов и укрывательство действительных врагов сов[етской] власти. Большинство следственных дел велось с нарушением норм УПК. Так, свыше 600 человек арестованных, числящихся за УНКВД по Калининской области, содержится под стражей по 10 месяцев и выше. Многие арестованные по несколько месяцев ни разу не допрашивались»⁹¹.

А.Т. Михайлов, по заявлению которого началось расследование преступлений в УНКВД по Калининской области, занимал пост начальника 1-го отделения 3-го отдела УНКВД, непосредственно проводившего массовые репрессивные операции. 27 марта 1939 года он был арестован и уволен из НКВД.

9 апреля 1939 года наркомом Берией был издан приказ НКВД СССР «Об извращениях в следственной работе в НКВД Туркменской ССР». В документе было сказано, что «проверкой выявлены факты грубого нарушения

обвинены в том, что, будучи оперативным работником Винницкого УНКВД, проводил «преступную практику в оперативно-следственной работе», производил «массовые необоснованные аресты», при допросах арестованных применял «извращенные методы следствия, под влиянием которых подследственные подписывали сфальсифицированные протоколы допросов о якобы известных им антисоветских формированиях и своей принадлежности к ним, в результате чего искусственно создавали контрреволюционные организации». 6 мая 1941 г. Военный трибунал войск НКВД Киевского военного округа приговорил его к расстрелу. 24 июня 1941 г. Военная коллегия Верховного суда СССР заменила И.Т. Кораблеву смертный приговор десятью годами лишения свободы в исправительно-трудовом лагере.

⁹¹ Приказ НКВД СССР № 00831 «О незаконных методах следствия в УНКВД по Калининской области». 28 декабря 1938 г. // Там же. С. 552–553.

революционной законности, необоснованных арестов и фальсификации следственных дел... В результате производимого следователями искажения протоколов допросов, в них включались лица, неизвестные обвиняемым и непричастные к вражеской работе. В процессе следствия допускалось извращение методов допроса арестованных, вымогательство ложных показаний, фальсификация протоколов и укрывательство действительных врагов народа»⁹². Для дальнейшего расследования этих фактов и наказания виновных Берия приказал арестовать и предать суду военного трибунала 22 руководящих и рядовых работника НКВД Туркмении.

С конца 1938-го и до конца 1939 года наркомом внутренних дел СССР была издана целая серия приказов об аресте и предании суду как руководителей, так и рядовых работников органов НКВД⁹³. В текстах этих документах иногда употреблялся термин «враги народа», но чаще всего говорилось об уголовных преступлениях сотрудников НКВД — фальсификации протоколов допросов, незаконных арестах, об избиении арестованных, фабрикации расстрельных уголовных дел на абсолютно невиновных людей и т. д. В условиях полной бесконтрольности и безнаказанности органы внутренних дел превратились в скопище преступников.

Широкомасштабные репрессивные операции, проходившие с августа 1937 года до середины ноября 1938 года, вели к деградации не только НКВД, но и прокуратуры. 19 февраля 1939 года состоялось совещание наркомов внутренних дел союзных и автономных республик, начальников областных, краевых УНКВД и руководителей центральных и местных прокурорских органов. Главным в повестке дня был вопрос о выполнении органами НКВД и прокуратуры постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» в части организации следственной работы и осуществления прокурорского надзора за следствием. Основным итогом данного совещания стал вывод о чрезвычайной слабости прокурорского надзора и в центре, и на местах.

Одной из причин такого состояния органов прокуратуры было признано несоответствие ряда прокурорских работников политическим и должностным требованиям, неспособность их надлежащим образом выполнять свои

⁹² Приказ НКВД СССР «Об извращениях в следственной работе в НКВД Туркменской ССР» // Там же. С. 561–562.

⁹³ См.: Приказы НКВД СССР за сентябрь 1938 г. — декабрь 1939 г. // Там же. С. 552–614.

профессиональные обязанности⁹⁴. Поэтому совещание приняло решение обратиться в ЦК ВКП (б) с просьбой увеличить количество работников прокуратуры, осуществляющих надзор органами НКВД, на 1 100 человек.

Прокурору СССР Вышинскому было поручено «совместно с обкомами, крайкомами и ЦК нацкомпартий проверить личный состав прокуроров, осуществляющих надзор за следствием, и удалить сомнительных и негодных работников»⁹⁵.

Все эти и другие подобные меры, менявшие состав НКВД и прокуратуры, выражали стремление руководства ВКП (б) и Советского государства не только выйти из хаоса массовых репрессий, но и усилить свой контроль за деятельностью органов внутренних дел. Проверка выполнения сотрудниками НКВД требований постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» показала, что практика незаконных арестов, нарушения норм УПК при ведении следствия, избиения подследственных, фабрикация уголовных дел на невиновных продолжала существовать и в декабре 1938 года, и первые месяцы следующего года.

В апреле 1939 года с докладной запиской о продолжении этой практики работниками НКВД и прокуратуры к Сталину обратился нарком юстиции РСФСР Я.П. Дмитриев. «Из материалов, приводимых ниже, — писал он, — видно, что некоторые органы НКВД и прокуратуры на местах еще не перестроили своей работы в соответствии с требованиями ЦК ВКП (б) и СНК СССР. Имеют место факты незаконных арестов и неосновательного предания суду, грубейшего нарушения прав обвиняемых и совершенно недопустимого упрощенчества в производстве следствия. Это подтверждается большим количеством прекращенных судами дел, возвращением в органы прокуратуры на дополнительное расследование дел и значительным количеством оправдательных приговоров»⁹⁶.

⁹⁴ Спецсообщение Л.П. Берии, А.Я. Вышинского и Н.М. Рычкова И.В. Сталину с приложением приказа о ходе выполнения постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». 21 февраля 1939 г. // Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш», 1939 — март 1946. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. М., 2006. С. 25–27.

⁹⁵ Там же. С. 26.

⁹⁶ Докладная записка Я.П. Дмитриева И.В. Сталину о фактах незаконных арестов и неосновательного предания суду [не ранее апреля 1939 г.] // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939: Документы и материалы. В 5 т. / Том 5. 1937—1939. Кн. 2. 1938—1939. М., 2006. С. 395.

После описания многочисленных случаев, показывающих, что органы НКВД и прокуратуры и так и не отказались от прежней репрессивной политики, нарком юстиции РСФСР сделал горький вывод: «Приведенные факты свидетельствуют, что в ряде звеньев следственно-прокурорских органов продолжается практика, осужденная постановлением ЦКВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года, а работники прокуратуры вместо осуществления надзора за следствием и борьбы за осуществление социалистической законности часто занимаются штампованием явно нерасследованных или тенденциозно расследованных дел»⁹⁷.

В судьбе прокурора СССР А.Я. Вышинского явно наступал переломный момент.

4

Разоблачение преступлений, совершенных в органах НКВД при наркOME Н.И. Ежове, выставляло в мрачном свете и деятельность прокуратуры СССР. Их массовый характер указывал, помимо прочего, на отсутствие какого-либо противодействия данной практике со стороны прокурорских органов, свидетельствовал о чисто формальном характере прокурорского надзора по всей стране. В целом ряде документов, раскрывавших реальное состояние органов НКВД и составленных в первые месяцы 1939 года, был сделан вывод о фактическом соучастии работников прокуратуры в преступлениях, допущенных сотрудниками внутренних дел при арестах и ведении следствия.

Самым примечательным из таких документов представляется письмо Л.П. Берии, А.А. Андреева и Г.М. Маленкова, направленное И.В. Сталину 1 февраля 1939 года в качестве приложения к акту приема-сдачи дел в НКВД СССР⁹⁸. В письме перечислялись «безобразия, извращения и перегибы», допускавшиеся органами НКВД при арестах и ведении следствия, и утверждалось, что все они «проводились с санкции и ведома органов Прокуратуры СССР»⁹⁹. После этих слов в скобках указывались фамилии Вышинского и его заместителя Рогинского.

⁹⁷ Там же. С. 398.

⁹⁸ Под текстом данного письма, хранящегося в Центральном архиве ФСБ России (Ф. 3-ос. Оп. 6. Д. 1. Л. 1—6), стоит помета: «Разослано Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Микояну, Жданову».

⁹⁹ Сопроводительное письмо наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии, секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Андреева и заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова И. В. Сталину к акту приема — сдачи дел в НКВД СССР. 29 января 1939 г. // Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. М., 2009. С. 363.

Серьезность выдвинутых против руководителей прокуратуры СССР обвинений подчеркивалась описанием преступных действий следователей НКВД, осуществлявшихся с санкции и с ведома прокурорских работников. В письме констатировалось, в частности, что в органах внутренних дел «грубейшим образом извращались методы ведения следствия, применялись без разбора массовые избиения заключенных для вымогательства ложных показаний и “признаний”. Заранее определялось количество признаний, которых должен был добиться в течение суток каждый следователь от арестованных, причем нормы часто доходили до нескольких десятков “признаний”.

Следователями широко применялась практика полного взаимного информирования о содержании полученных показаний. Это давало возможность следователям при допросах “своих” арестованных подсказывать им тем или иным способом факты, обстоятельства, фамилии лиц, о которых были раньше даны показания другими арестованными. В результате очень часто такого рода следствие приводило к организованным оговорам ни в чем неповинных людей.

Для того, чтобы получить большее количество признаний, в ряде органов НКВД прибегали к прямой провокации: уговаривали заключенных дать показания об их, якобы, шпионской работе в пользу иностранных разведок, объясняя при этом, что такого рода вымышленные показания нужны партии и правительству для дискредитации иностранных государств. При этом обещали заключенным освободить их после дачи подобного рода “признаний”»¹⁰⁰.

О том, как такие провокации применялись в следственной практике, рассказал на допросе бывший начальник 1-го специального отдела НКВД СССР Исаак Ильич Шапиро, арестованный 13 ноября 1938 года и расстрелянный 5 февраля 1940 года. Согласно его показаниям, данным 19 ноября 1938 года, обвиняемым нередко предлагалось «подписать протокол признания в шпионской деятельности, якобы для того, чтобы представить затем контр-счет иностранным государствам по поводу их шпионской деятельности на территории СССР. Следователь в таких случаях говорил, что такие признания сейчас крайне важны ввиду сложившейся международной

¹⁰⁰ Там же. С. 360.

обстановки, что подписание такого протокола ничем не грозит арестованному, который вскоре будет выпущен на свободу»¹⁰¹.

«Массовые необоснованные аресты ни в чем неповинных людей» были представлены в упомянутом письме Л.П. Берии, А.А. Андреева и Г.М. Маленкова И.В. Сталину действиями врагов народа, пробравшихся в органы НКВД. Это давало повод по меньшей мере поставить под сомнение политическую зрелость руководителей прокуратуры.

Вышинский, хотя и был упомянут в письме как руководитель прокуратуры, которая вопреки своему предназначению не противодействовала преступлениям сотрудников внутренних дел, политических обвинений избежал. Главным виновником был выставлен заместитель прокурора СССР Г.К. Рогинский, о котором в письме было сказано, что именно он особенно «усердствовал» в санкционировании «безобразий, извращений и перегибов в деле арестов и ведения следствия» и что «практика работы Рогинского вызывает серьезное сомнение в его политической честности и благонадежности»¹⁰².

И.И. Шапиро на допросе 19 ноября 1938 года сообщил, что вопрос о порядке рассмотрения дел по массовым репрессивным операциям «организационно совершенно не был разработан». По его словам, «Ежовым была установлена следующая практика: область представляет короткую справку по следственным делам в центр, где справки рассматриваются и по ним выносятся решения, которые подписываются наркомом или его заместителем, а затем прокурором Союза или его первым заместителем»¹⁰³.

На практике чаще всего именно Г.К. Рогинский, курировавший от прокуратуры СССР Наркомат внутренних дел СССР, должен был санкционировать или не санкционировать передачу дел на судебное рассмотрение. В собственноручно записанных показаниях 29 декабря 1939 года И.И. Шапиро сообщил: «Существовал порядок, при котором законченные следствием дела докладывались специальной комиссии при НКВД (Фриновский, Ульрих, Рогинский), которая определяла направление дел в

¹⁰¹ Из протокола допроса И. И. Шапиро. 19 ноября 1938 г. // Дугин А.Н. Тайны архивов НКВД СССР 1937–1938 (взгляд изнутри). М., 2020. С. 84.

¹⁰² Сопроводительное письмо наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии, секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Андреева и заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова И. В. Сталину к акту приема — сдачи дел в НКВД СССР. 29 января 1939 г. С. 363.

¹⁰³ Из протокола допроса И. И. Шапиро. 19 ноября 1938 г. С. 85.

судебные органы. Списки лиц, подлежащих суду Военной коллегии, представлялись затем на утверждение соответствующих инстанций, после чего дела передавались на рассмотрение Военной коллегии»¹⁰⁴.

Как сообщил И.И. Шапиро, эти списки часто составлялись одним Ежовым, который «требовал от Тюремного отдела списки арестованных и только по этим спискам самолично определял, какие дела передать на рассмотрение Военной Коллегии», не справляясь предварительно: «закончены ли следствием эти дела, нужны ли еще арестованные по этим делам для дальнейшего следствия, подсудны ли они Военной коллегии, и т. д.. На основе его пометок составлялись списки лиц, подлежащих суду Военной коллегии, которые (т.е. списки. — В.Т.) Ежов представлял на утверждение инстанции. В составленные таким образом списки включались арестованные, следствие по которым не только не было закончено, но даже по существу еще не начиналось, лица, которые не подлежали вообще суду Военной коллегии и т. д.»¹⁰⁵. Тем не менее представитель прокуратуры СССР и в этих случаях давал санкцию на передачу дел в суд.

10 апреля 1939 года Н.И. Ежов был арестован¹⁰⁶. За день до этого наркомат водного транспорта СССР, которым он руководил с 8 апреля 1938 года, ликвидировали, его функции передали созданным вместо него наркоматам речного и морского флота СССР.

Уголовное дело Н.И. Ежова было с самого начала окутано секретностью и до сих пор остается засекреченным. Многие обстоятельства, его сопровождающие, кажутся весьма странными, и вряд ли эти странности случайны.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что об аресте бывшего наркома внутренних дел СССР нигде не было объявлено, а постановление о предъявлении ему обвинения в уголовных преступлениях было вынесено лишь через два месяца. В исторической и справочной литературе нередко именно 10 июня 1939 года называется датой его ареста¹⁰⁷.

Между тем факт ареста Ежова 10 апреля 1939 года подтверждается многими документами, и в том числе протоколами его допросов. Сохранился

¹⁰⁴ Из собственноручных показаний И.И. Шапиро. 29 декабря 1939 г. // Дугин А.Н. Тайны архивов НКВД СССР 1937–1938. С. 95..

¹⁰⁵ Там же. С. 95–96.

¹⁰⁶ Протокол допросов А.Н. Бабулина. 18 апреля 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 375. Л. 62.

¹⁰⁷ См., например, публикацию: Состав руководящих органов Центрального комитета партии— Политбюро (Президиума), Оргбюро, Секретариата ЦК (1919–1990 гг.) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 94.

рапорт капитана госбезопасности П.М. Щепилова начальнику 3-го спецотдела НКВД полковнику А.С. Панюшкину «о некоторых фактах, обнаружившихся при производстве обыска в квартире арестованного по ордеру N 2950 от 10 апреля 1939 года Ежова Николая Ивановича в Кремле». Племянник Ежова А.Н. Бабулин, арестованный 10 апреля 1939 года в его квартире, заявил на допросе 18 апреля, что свой арест ставит «в прямую связь с арестом Н. Ежова»¹⁰⁸.

Обвинительное заключение бывшего наркома внутренних дел СССР, суд над ним, протокол судебного заседания по его уголовному делу, его последнее слово, приговор и приведение его в исполнение были также засекречены. Человек по имени Николай Иванович Ежов 10 апреля 1939 года просто пропал. Можно было, конечно, догадаться, что его расстреляли, но отсутствие каких-либо публичных сообщений об этом порождало в обществе слухи, что его оставили в живых, но по каким-то причинам спрятали.

На допросах, которые начались сразу после ареста, от Ежова требовали признаться в «черной предательской работе против партии и советской власти». И первые признания в шпионской деятельности он сделал 18 апреля 1939 года, сообщив, что в течение десяти лет вел шпионскую работу в пользу Польши. На допросе 26 апреля Ежов продолжил свои признательные показания, заявив: «Должен признать, что дав правдивые показания о своей шпионской работе в пользу Польши, я действительно скрыл от следствия свою шпионскую связь с немцами»¹⁰⁹. «Мне не хотелось, — сказал он, — показывать на следствии о своей шпионской связи с немцами, тем более, что мое сотрудничество с немецкой разведкой не ограничивается лишь шпионской работой по заданию германской разведки, я организовал антисоветский заговор и готовил государственный переворот, путем террористических актов против руководителей партии и правительства»¹¹⁰.

Удивительно, но о грубейших нарушениях законности при арестах и ведении следствия, фальсификациях уголовных дел, избиениях арестованных, предании суду невиновных и других безобразиях, извращениях и перегибах в деятельности НКВД на допросах бывшего наркома внутренних дел вообще не говорилось как об отдельных составах уголовного

¹⁰⁸ Протокол допроса А.Н. Бабулина. 18 апреля 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 375. Л. 62.

¹⁰⁹ Протокол допроса Н.И. Ежова от 26 апреля 1939 г. // Там же. Л. 123.

¹¹⁰ Там же. Л. 124.

преступления. Следователи явно были ориентированы на получение оснований для предъявления Ежову обвинений лишь в таких преступлениях, которые в Уголовном кодексе РСФСР были изложены в четырнадцати пунктах статьи 58 и относились к категории «контрреволюционных»¹¹¹, Поэтому в протоколах допросов Ежова и подчиненных ему сотрудников НКВД отражались преимущественно показания об их заговорщической деятельности.

Так, И.И. Шапиро в собственноручных показаниях, составленных через десять дней после ареста его начальника, сообщил: «Преступления, творившиеся в НКВД [...], являлись отнюдь не случайностью и не случайными преступлениями. Они являются и вытекают из всей системы преступлений, предательской деятельности заговорщической организации в НКВД, возглавлявшейся Н. И. Ежовым, бывшим наркомом, в которой и я принимал свое участие»¹¹².

Проводившиеся органами НКВД в 1937–1938 годы массовые репрессивные операции также рассматривались следователями лишь с точки зрения выдвинутого против бывшего наркома внутренних дел обвинения в подготовке заговора. Показания самого Ежова подводились под эту установку соответствующими вопросами следователей. Так, в начале допроса, который проходил 4 августа 1939 года, следователь обратился к Ежову: «Следствию известно, что проведенные органами НКВД СССР в 1937–1938 гг. массовые операции по репрессированию бывших кулаков, к[онтр]р[еволюционного] духовенства, уголовников и перебежчиков различных сопредельных с СССР стран вы использовали в интересах антисоветского заговора. Насколько это соответствует истине?» «Да, это целиком соответствует действительности»¹¹³, — ответил бывший нарком внутренних дел СССР. Следователь задал уточняющий вопрос: «После того, как вам удалось продлить массовые

¹¹¹ Пункт 1 статьи 58 устанавливал, что «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции» (Уголовный кодекс с изменениями на 1 декабря 1938 г. М., 1938. С. 26).

¹¹² Из собственноручных показаний И.И. Шапиро. 19–20 апреля 1939 г. // Дугин А.Н. Тайны архивов НКВД СССР 1937–1938. С. 105.

¹¹³ Из протокола допроса обвиняемого Ежова Николая Ивановича. 4 августа 1939 г. // Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. С. 367.

операции, достигли ли вы поставленных заговорщической организацией целей вызвать недовольство карательной политикой советской власти среди населения?». «Да», — снова ответил Ежов и добавил: «Растянув массовые операции на многие месяцы, мы в конечном итоге добились того, что в ряде районов сумели вызвать непонимание и недовольство карательной политикой советской власти в известных слоях населения»¹¹⁴.

В последующих показаниях на этом допросе Ежов сообщил, что заговорщики, занимавшие должности начальников местных управлений внутренних дел, «совершая подлоги и фальсифицируя следственные данные», «репрессировали много невинных, непричастных к контрреволюционным преступлениям людей, создав базу недовольства среди определенных слоев населения»¹¹⁵.

Соответственно и показания подчиненных бывшего наркома внутренних дел подгонялись под заранее установленную для его обвинения схему. «Мне стало ясным, что Ежов замышляет, тщательно продумывает и подготавливает совершение государственного переворота»¹¹⁶, — заявил И.И. Шапиро в показаниях, написанных 18–19 мая 1939 года.

Вольдемар Августович Ульмер, занимавший до ареста 21 апреля 1939 года должность оперативного секретаря ГУГБ НКВД СССР рассказал на допросе 14 мая 1939 года, что Ежов использовал массовые репрессивные операции для достижения целей заговора против советской власти. По его словам, органы НКВД в процессе выполнения оперативного приказа № 00447, соответствовавшего решению ЦК ВКП(б), сознательно допускали «явные его извращения, а затем и полный произвол. Установленные ЦК ВКП(б) цифровые, количественные ограничения размаха операции в заговорщических целях были превышены в 4–5 раз; под категории кулацких и уголовных элементов, дела которых подлежали рассмотрению в упрощенном порядке на тройках, подводились участники контрреволюционных право-троцкистских, эсеровских и других групп и организаций, причем по их делам следствие проводилось на скорую руку; упрощенное рассмотрение дел и полная бесконтрольность были использованы для устранения нежелательных местным органам НКВД лиц. Были организованы полный произвол,

¹¹⁴ Там же. С. 369.

¹¹⁵ Там же. С. 378.

¹¹⁶ Из собственноручных показаний И. И. Шапиро. 18-19 мая 1939 г. // Дугин А.Н. Тайны архивов НКВД СССР 1937–1938. С. 110.

нарушение и извращения самых элементарных положений карательной политики. Используя право упрощенного рассмотрения дел, руководители местных органов НКВД обратили его на разгром партийных и комсомольских организаций, на террор по отношению к населению, на создание массовых недовольств партией и правительством»¹¹⁷.

В постановлении о привлечении Ежова Н.И. к уголовной ответственности, вынесенном следователем следственной части НКВД СССР старшим лейтенантом госбезопасности В.Т. Сергиенко 10 июня 1939 года, бывший нарком внутренних дел обвинялся в преступлениях, предусмотренных следующими статьями действовавшего в то время Уголовного кодекса РСФСР: 58-1а (измена родине в виде шпионажа), 58-5 (склонение иностранного государства к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела Союза ССР), 19 и 58-2 (подготовка к захвату государственной власти), 19 и 58-8 (подготовка террористических актов, направленных против представителей советской власти), 58-7 (подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения), 136-г (умышленное убийство с целью скрыть другое тяжкое преступление), 154-а,ч. 2 (мужеложство, совершенное с использованием зависимого положения потерпевшего).

Таким образом, **Ежов не был обвинен ни в одном из тех должностных преступлений, которые он действительно совершал во время своего пребывания на посту наркома внутренних дел.** Для обвинения же в таких преступлениях, как шпионаж, подготовка к захвату государственной власти, планирование террористических актов против представителей советской власти и т.д. в уголовном деле Ежова вряд ли имелось достаточно оснований. Поэтому остается загадкой, за что он был снят с поста главы НКВД СССР, арестован, предан суду и расстрелян?

Историк А.Н. Дугин, недавно опубликовавший документы следственных дел руководителей НКВД, хранившиеся в архиве ФСБ и рассекреченные в 2018 году, считал, что роковую роль в судьбе Ежова сыграли его попытки утаить от руководства ВКП (б) сведения об истинном масштабе репрессий, которые органы НКВД обрушили на советских людей.

¹¹⁷ Из протокола допроса Ульмера В. А. 14 мая 1939 г. // Дугин А.Н. Тайны архивов НКВД СССР 1937–1938. С. 205.

В начале ноября 1938 года 1 спецотдел НКВД СССР на основании сведений, присланных с мест составил сводку о количестве арестованных и осужденных с 1 октября 1936-го до 1 июля 1938 года¹¹⁸. Начальник данного отдела И.И. Шапиро представил эту сводку наркому внутренних дел. По словам А.Н. Дугина, итоговые цифры репрессированных ужаснули Ежова. Он испугался гнева вождя, «ведь Сталин мог помнить первые утвержденные цифры лимитов на расстрелы: 25 тысяч человек. А у Ежова за полтора года “получилось” несколько сотен тысяч приговоренных к высшей мере наказания!». А.Н. Дугин предположил, что «утаить эти цифры от Сталина не удалось». И.И. Шапиро был арестован 13 ноября 1938 года по приказу Берии, и составленная в НКВД сводка количества арестованных и осужденных была передана Сталину. «Реакция Сталина оказалась мгновенной: 15 ноября 1938 года во время совещания в его кремлевском кабинете были озвучены результаты деятельности “троек” и других специальных судов за 1937 — первую половину 1938 года. И последовало моментальное решение: деятельность “троек” прекратить со следующего дня — 16 ноября 1938 года. Через несколько дней Н. И. Ежов был освобожден от занимаемой должности...»¹¹⁹.

В составленном А.Н. Дугиным сборнике документов указанная сводка приводится на семидесяти шести листах. Согласно ей, с 1 октября 1936-го по 1 июля 1938 года было арестовано — 1 420 711 человек, осуждено — 1 124 000 человека, в том числе к высшей мере наказания — 556 259 человек¹²⁰. Это были цифры репрессированных без учета сведений по Дальне-Восточному краю и ДТО ГУГБ Ашбадской и Дальне-Восточной ж.д.

Нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов, конечно же, имел основание бояться: такое количество репрессированных неизбежно должно было вызвать гнев Сталина, но, думается, не сами по себе утаенные от руководства ВКП (б) цифры арестованных и осужденных по линии НКВД были действительной причиной освобождения Ежова от должности наркома внутренних дел СССР. Вряд ли Сталин был в неведении относительно подлинных масштабов репрессий, даже если учесть, что в Политбюро поступали из НКВД сведения

¹¹⁸ См. об этом: Из заявления арестованного Кремнева-Сундакова С. И. [бывшего сотрудника 1 спецотдела НКВД СССР]. 25 января 1939 г. // Дугин А.Н. Тайны архивов НКВД СССР 1937–1938. С. 99.

¹¹⁹ Дугин А.Н. Тайны архивов НКВД СССР 1937–1938. С. 12–13.

¹²⁰ Сводка о работе органов НКВД СССР (без УНКВД по Дальне-Восточному краю и ДТО ГУГБ Ашбадской и Дальне-Восточной ж.д.). За время с 1 октября 1936 по 1 июля 1938 г. // Дугин А.Н. Тайны архивов НКВД СССР 1937–1938 (взгляд изнутри). М., 2020. С. 268.

не более чем о трех-четырёх процентах арестованных и преданных суду. Иосиф Виссарионович всегда проявлял особо заботился о создании для себя параллельных источников информации, чтобы знать правду о том, что происходило в таких влиятельных государственных органах, как НКВД, наркомат обороны, наркомат иностранных дел и др. И вряд ли само по себе большое число осужденных и расстрелянных возмущало его, даже если многие из них были невиновны в преступлениях, в которых обвинялись,

Ф.И. Чуев, разговаривая однажды с В.М. Молотовым о феномене массовых репрессий, спросил его: «Неужели Сталин не мог додуматься, что так много людей не могло быть врагами народа?». «Конечно, очень печально и жалко таких людей, — ответил один из самых близких соратников советского вождя, — но я считаю, что тот террор, который был проведен в конце 30-х годов, он был необходим. Конечно, было бы, может, меньше жертв, если бы действовать более осторожно, но Сталин перестраховал дело — не жалеть никого, но обеспечить надежное положение во время войны и после войны, длительный период, — это, по-моему, было»¹²¹. «Говорят, все сфабриковано», — снова высказал свое мнение Ф.И. Чуев. «Ну, это невозможно. Состряпать невозможно», — ответил Молотов. «Их били — не всякий человек выдержит, одного побьют — он все, что угодно на себя напишет», — попытался настоять на своем Ф.И. Чуев, но Молотов, не обращая внимания на эти аргументы, продолжил: «Сталин, по-моему, вел очень правильную линию: пускай лишняя голова слетит, но не будет колебаний во время войны и после войны. Хотя были и ошибки. Но вот Рокоссовского и Мерецкова освободили». «А сколько таких погибло? — прервал его Чуев. «Таких немного, — заметил Молотов и снова заговорил об оправданности массовых репрессий: «Я считаю, что эта полоса террора была необходимая, без ошибок ее провести было невозможно. Продолжать споры во время войны ... Если бы мы проявили мягкотелость... Власов — это мелочь по сравнению с тем, что могло быть. Много было людей, шатающихся в политическом отношении». «Могли бы перейти на сторону Гитлера?» — вставил реплику Чуев. «Не могли бы, я думаю, но колебания были бы очень опасные»¹²², — заключил В.М. Молотов.

Вячеслав Михайлович предельно ясно выразил ту непоколебимую убежденность в жизненной необходимости массовых репрессий в Советском

¹²¹ Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 416.

¹²² Там же. С. 416–417.

Союзе в предвоенный период, которую носили в себе Сталин и его соратники.

Если бы Сталин сомневался в правильности репрессивной политики Советского государства того времени и нуждался в оправдании в глазах советского общества, то для него имело бы смысл вести открытое уголовное преследование Ежова за совершенные преступления. Вместо этого и арест бывшего наркома внутренних дел СССР, и следствие по его делу, и судебный процесс над ним, и исполнение смертного приговора были засекречены, утаены от общества

Это означало, что Сталин увидел в фигуре Ежова нечто такое, что нельзя было оставить без жестокого наказания и в то же время было нелегально показать советскому обществу. Не само по себе превышение наркоматом внутренних дел СССР установленных лимитов количества репрессированных — каким бы значительным оно ни было — насторожило Сталина, а то, что оно было сделано **самовольно**. Руководство НКВД стало вести во многом **самостоятельную** репрессивную политику и **выходить из-под контроля ЦК ВКП (б)**. Именно такой вывод был сделан в письме Л.П. Берии, А.А. Андреева и Г.М. Маленкова. «Тов. Ежов всячески скрывал от Центрального Комитета ВКП(б) состояние работы в органах НКВД. Кроме того он скрывал от ЦК ВКП(б) компрометирующие материалы на руководящих работниках НКВД»¹²³, — утверждалось в данном письме.

В этом же документе было констатировано, что «руководством НКВД СССР проводилась линия на отрыв периферийных органов НКВД от партийных организаций, от партийного контроля»¹²⁴. Более того, приводились факты, показывающие, что органы внутренних дел отрывались и от советского общества, во благо которого призваны были действовать. «Тов. Ежов, — говорилось в рассматриваемом письме, — систематически получал многочисленные сигналы в виде заявлений, писем, жалоб, рапортов от чекистов-партийцев, от трудящихся об извращениях и преступлениях, которые имели место в органах НКВД, а также о наличии в руководящем составе НКВД политически сомнительных, чуждых лиц и прямых заговорщиков. Многие заявители настойчиво добивались принятия

¹²³ Сопроводительное письмо наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии, секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Андреева и заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова И. В. Сталину к акту приема — сдачи дел в НКВД СССР. 29 января 1939 г. С. 362.

¹²⁴ Там же.

необходимых мер по уже поданным ими заявлениям и сами по несколько раз пытались попасть на прием к т. Ежову, но все это оставалось без результата. Установлено, что ни одно такого рода заявление не было проверено и по заявлениям не было принято каких-либо мер»¹²⁵.

Протоколы допросов арестованных в конце 1938 – начале 1939 года руководителей НКВД содержали немало показаний, свидетельствовавших о том, что Ежов сознательно стремился превратить наркомат внутренних дел в самостоятельный государственный орган, свободный от какого-либо внешнего контроля – в «государство в государстве».

И.И. Шапиро, возглавлявший 1-й специальный отдел (секретариат) НКВД СССР, в который стекалась вся информация о деятельности органов внутренних дел и в том числе сведения о количестве арестованных, отданных под суд, осужденных, а также заявления о необоснованных арестах, избиениях арестованных и предании суду невиновных, рассказал на допросах 19–20 апреля и 10 июня 1939 года, как остро Ежов реагировал на любые попытки обратить его внимание на эти правонарушения.

«В августе 1937 г., – сообщил Исаак Ильич, – я был назначен (после ухода с этой должности Дейча) начальником секретариата. Вскоре после вступления в должность я столкнулся с рядом вопиющих безобразий и недостатков, как я тогда расценивал творящиеся преступления в работе НКВД: искривление и искажение следственной работы, дутые дела, необоснованные аресты, массовые заявления на неправильные методы ведения следствия, полное забвение агентурной работы и т. д. и т. п. Полагая, что все это является следствием неправильной работы в отделах, и что нарком об этом не знает, я при своих служебных докладах наркому Ежову ставил его в известность и обращал его внимание на те или иные вопиющие упущения в работе... Однако, к моему удивлению, Ежов никак не реагировал на мои серьезнейшие сигналы и, по своему обычаю, отмалчивался, ничего не говоря... Как-то при очередном докладе, Ежов вдруг вскочил взбудораженный и обратился ко мне с гневом: “Я считал Вас более разумным, чем Вы оказались; далеко Вам до Дейча, ни черта Вы не понимаете; без году неделя – чекист, а лезет со своими разоблачениями. Я лучше Вас знаю, что делается в Наркомате, никаких преступлений в НКВД нет. Все, что проводится, проводится с моего ведома и по моим директивам, точно по моим указаниям.

¹²⁵ Там же.

Или, быть может, Вы и меня считаете преступником? Попробуйте! Задача Ваша заключается сейчас в том, чтобы показать кипучую деятельность НКВД по разгрому врагов, не стесняясь, при этом, никакими средствами. Надо добиться неслыханного авторитета НКВД и его руководства»¹²⁶.

Согласно показаниям И.И. Шапиро, тогда же нарком внутренних дел дал ему следующие указания: «1. Следить, чтобы в ЦК ВКП(б) не попали какие-либо сигналы из НКВД о “нашей работе”. 2. Направлять в ЦК ВКП(б) материалы, которые только с положительной стороны характеризуют нашу работу и все проводимые нами оперативные мероприятия. 3. Следить за разговорами и настроениями в наркомате и информировать об этом его — Ежова. 4. Ни одно разоблачительное заявление, касающееся работы НКВД или отдельных работников никуда не отправлять (куда бы эти заявления не были адресованы), а передавать их лично ему — Ежову. 5. Уметь “отвечать” на заявления, присылаемые для проверки из секретариата ЦК»¹²⁷.

* * *

В исторической литературе, посвященной истории Советского государства в предвоенный период, время с конца ноября 1938-го и до июня 1941 года часто называют «бериевской оттепелью». На самом деле репрессии продолжались, хотя и в значительно меньшем масштабе, чем ранее, и осуществлялись они по прежней политической технологии.

Так, 8 апреля 1939 года нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия и прокурор СССР А.Я. Вышинский обратились в ЦК ВКП (б) к тов. Сталину со следующим письмом: «НКВД СССР закончено следствие в отношении арестованных врагов ВКП (б) и Советской власти, активных участников контрреволюционных, право-троцкистской, заговорщической и шпионской организаций в количестве 931 человека. Считаем необходимым дела на них передать Военной коллегии Верховного суда СССР для рассмотрения в соответствии с законом от 1 декабря 1934 года. Причем в отношении 198 руководящих участников этих организаций — применить высшую меру уголовного наказания — расстрел, а остальных 733 обвиняемых приговорить

¹²⁶ Из собственноручных показаний И.И. Шапиро. 19–20 апреля 1939 г. С. 105–106. Также см.: Из показаний И.И. Шапиро. 10 июня 1939 г. // Дугин А.Н. Тайны архивов НКВД СССР 1937–1938. С. 113.

¹²⁷ Из показаний И.И. Шапиро. 10 июня 1939 г. С. 114. Также см.: Из собственноручных показаний И.И. Шапиро. 19–20 апреля 1939 г. С. 106.

к заключению в лагерь на срок не менее 15 лет каждого. Просим Вашей санкции»¹²⁸.

Уголовное дело, заведенное на бывшего наркома внутренних дел Н.И. Ежова, показывает, что ограничение репрессий, восстановление законности при арестах и ведении следствия являлись далеко не единственной и не самой сложной задачей, стоявшей в предвоенное время перед Советским государством. В первую очередь необходимо было восстановить расшатанную в период массовых репрессий 1937–1938 годов управляемость исполнительного аппарата Советского государства, его подчиненность высшему руководству страны. Этой цели можно было достичь только путем утверждения приоритета закона в государственной политике и соответственно повышения силы и эффективности прокурорского надзора.

Прокуратура СССР становилась ключевым органом в дальнейшем развитии советской государственности.

5

Исполнение постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г. предполагало издание серии подзаконных нормативных актов в форме приказов, директив, циркуляров. Целый ряд таких актов был издан прокуратурой СССР совместно с НКВД СССР.

28 декабря 1938 года Вышинский и Берия издали общую директиву начальникам областных и краевых управлений НКВД СССР «О рассмотрении заявлений и жалоб на решения троек, действовавших при НКВД». В ней говорилось: «1. Во всех случаях поступления заявлений и жалоб на решения Троек, действовавших при союзных, автономных республик НКВД и областных (краевых) управлений НКВД или РК милиции обязаны рассмотреть жалобы и заявления и решить вопрос о том, подлежит ли пересмотру решение по этим заявлениям и жалобам. 2. В случае признания неправильности вынесенного решения и необходимости его отмены, начальники соответствующих союзных, автономных республик НКВД и (краевых) управлений НКВД или управления РК милиции, выносят постановления об отмене решения и прекращении дела»¹²⁹.

¹²⁸ Письмо наркома внутренних дел Л.П. Берии и прокурора СССР А.Я. Вышинского. 8 апреля 1939 г. // РГАСПИ. Ф.17. Оп.166. Д.607. Л.61.

¹²⁹ Меморандум (директива) № 2708 Л.П. Берии и А.Я. Вышинского начальникам областных и краевых управлений НКВД СССР «О рассмотрении заявлений и жалоб на решения троек,

20 февраля 1939 года появился совместный приказ прокурора СССР А.Я. Вышинского и наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии «О мероприятиях по обеспечению выполнения постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. “Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия”». Данный приказ был издан «в целях решительного устранения недостатков» в деле выполнения органами НКВД и Прокуратуры СССР указанного постановления, вскрытых на совещании начальников областных и краевых УНКВД и наркомов внутренних дел союзных и автономных республик и ряда ответственных работников центральных и местных органов прокуратуры, которое прошло накануне, 19 февраля 1939 г. От работников внутренних дел требовалось «принять меры к устранению имеющихся недостатков в следственной работе (слабая документация, несоблюдение требований УПК, особенно в части сроков ведения следствия и обязательного составления протоколов после каждого допроса и т. д.)». Работникам прокуратуры предписывалось «установить деловой контакт с органами НКВД, обеспечивающий своевременное и оперативное разрешение всех возникающих в процессе следствия вопросов с момента возникновения дела до его окончания и передачи по подсудности»¹³⁰ и т.д.

Вышинский и Берия выступали сообща и при определении репрессивных мер по отношению к представителям оппозиции, направляя совместные предложения об этом в Политбюро ЦК ВКП (б).

Подобных случаев сотрудничества НКВД и прокуратуры СССР в рамках карательной политики, проводившейся Советским государством в конце 1938-го — первой половине 1939 года, можно привести множество, но сколько бы их ни было, они не могли скрыть другой, прямо противоположной стороны взаимоотношений между указанными государственными органами. Попытки работников прокуратуры восстановить хоть в какой-то степени режим законности в деятельности работников НКВД порождали конфликты между ними, которые приобретали нередко чрезвычайно острый характер.

действовавших при НКВД». 28 декабря 1938 г. // Эхо Большого террора. Сборник документов в трех томах. Том 3. Чекисты Сталина в тисках «социалистической законности». Эго-документы 1938–1941 гг. М., 2018. С. 552.

¹³⁰ Приказ народного комиссара внутренних дел СССР и прокурора СССР «О мероприятиях по обеспечению выполнения постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года “Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия”. 20 февраля 1939 г. // Политбюро и органы государственной безопасности. Сборник документов. М., 2017. С. 533.

Подобная ситуация возникла в декабре 1938 года в Ленинградской области в результате посещения работниками прокуратуры тюрьмы, где управление государственной безопасности областного управления внутренних дел содержало своих подследственных. Этот случай раскрывает истинную подоплеку вражды между НКВД и прокуратурой и показывает, каким сложным, противоречивым процессом был для Советского государства выход из массовых репрессий 1937–1938 годов. Документы, отражающие данный конфликт, и хранящиеся в настоящее время в фонде «Прокуратура СССР. 1924–1991 гг.» Государственного архива Российской Федерации, дают представление о том, каким стал на самом деле прокурорский надзор после того, как было объявлено о ликвидации троек и прекращении массовых репрессивных операций.

23 декабря 1938 года начальник управления НКВД по Ленинградской области С.А. Гоглидзе обратился к наркому внутренних дел СССР Берии со следующей докладной запиской: «Возросшая роль прокурорского надзора и возложенная на органы прокуратуры ответственность за аресты и проведение органами НКВД следствия, вытекающая из постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17/XI-38 года, работниками прокуратуры Ленинградской области воспринята неправильно. Свою роль надзирающего органа прокуратура Ленинградской области упрощает, не принимая должного участия в следственной работе и зачастую своим вмешательством нарушает нормальный ход следствия»¹³¹.

Далее описывалось состоявшееся 9 декабря посещение одной из тюрем прокурором Ленинградской области М.Д. Балясниковым, его заместителем Дорофеевым и другими работниками прокуратуры. По рассказу Гоглидзе, «обходя помещения, в которых производились допросы арестованных, прокуроры, прерывая допрос, обращались к арестованным с предложением рассказать, как следователи ведут допрос, не применяют ли к ним незаконных методов следствия, не грубят ли им и т.д. В тех случаях, когда арестованные жаловались на грубое обращение, прокурор Балясников здесь же, в присутствии арестованного, делал в резких тонах замечания оперработникам. Отмечены факты, когда т. Балясников прекращал допрос арестованного в

¹³¹ Докладная записка начальника управления НКВД по Ленинградской области комиссара гос. Безопасности 2-го ранга Гоглидзе наркому внутренних дел Союза ССР комиссару государственной безопасности товарищу Л.П. Берия. 23 декабря 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д.118 Л. 65.

присутствии двух оперативных работников, считая, что присутствие второго нарушит нормальный ход следствия. Кроме того, т. Балясников требовал вежливого, деликатного обращения с арестованными и делал все это в присутствии заключенных»¹³².

Описывая действия прокуроров при посещении ими тюрем, начальник управления НКВД по Ленинградской области старался представить их не как единичные случаи, а как распространенную практику, наносящую вред процессу расследования преступлений. В докладной записке наркому внутренних дел СССР он считал необходимым сообщить о том, что к приемам, которые использовал областной прокурор, стали прибегать и многие работники прокуратуры. По его словам, «11 декабря, обходя камеры Псковской тюрьмы, прокурор т. Шаталов в одной из камер, где содержатся свыше 100 заключенных, настойчиво выпытывал от заключенных факты грубости и фамилии оперработников, допустивших их. В результате, некоторые арестованные провокационно стали называть вымышленные факты, возводя при этом клевету на органы НКВД. Все это, естественно, не могло не отразиться крайне отрицательно на поведении подследственных»¹³³.

Общий вывод Гоглидзе из описанных фактов гласил: «Используя неправильные действия прокуроров, арестованные в тюрьмах стали на путь голого отказа от ранее данных показаний. Больше того, на допросах арестованные держат себя вызывающе, отказываются давать показания, демонстративно требуют замены следователей, присутствия прокуроров и т.д.»¹³⁴. Начальник управления НКВД по Ленинградской области просил наркома внутренних дел СССР «поставить вопрос о разъяснении прокурору Ленобласти тов. Балясникову и в целом прокуратуре их задач, вытекающих из постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17-го ноября 1938 г.»¹³⁵.

Нарком Берия, прочитав приведенную записку, начертил в ее верхнем левом углу: «Тов. Вышинскому. Прошу дать соответствующие указания; о сделанном указании прошу сообщить мне. Л. Берия. 26/ХІІ-39 г.»¹³⁶. В тот же день текст докладной записки Гоглидзе был отправлен Вышинскому.

¹³² Там же. Л. 66.

¹³³ Там же. Л. 67.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же. Л. 65.

29 декабря 1938 года прокурор СССР направил прокурору Ленинградской области М.Д. Балясникову личное и строго секретное письмо следующего содержания: «Нач. УНКВД по Ленинградской области т. Гоглидзе сообщил тов. Берия о том, что при посещении спецкорпуса УНКВД 9.XII-38 г. Вы допустили неправильные действия по отношению к работникам следственной части УГБ (управления государственной безопасности. — В.Т.). Тов. Гоглидзе указывает, что при обходе следственных кабинетов Вы прерывали допросы и опрашивали арестованных, не применяют ли следователи при допросах незаконных методов, не грубят ли и т.п.

Как сообщает Гоглидзе, в тех случаях, когда арестованные заявляли о грубом с ними обращении, Вы, в присутствии арестованных, делали резкие замечания следователям, требовали вежливого, деликатного обращения с подследственными.

Срочно представьте по этому поводу свои объяснения. Одновременно, независимо от объяснений, которые вы представите мне по существу записки т. Гоглидзе, учтите, что прокурорский надзор за следствием должен осуществляться в такой форме, которая исключает какое бы то ни было наталкивание арестованного в направлении преднамеренного опорочивания следствия. Тем более недопустимо делать замечания производящему допрос следователю в присутствии допрашиваемого.

В записке т. Гоглидзе сообщается еще и о том, что 11-го декабря 1938 г. при посещении Псковской тюрьмы прокурор т. Шаталов в одной из камер, где содержатся свыше 100 заключенных, настойчиво опрашивал арестованных о фактах грубого к ним отношения со стороны оперативных работников НКВД. Такие действия прокурора совершенно недопустимы.

Проинструктируйте прокуроров и обеспечьте недопустимость повторения подобного рода действий впредь»¹³⁷.

Отраженный в приведенных документах конфликт между работниками прокуратуры и следователями НКВД внешне выглядит как столкновение по вопросам соблюдения норм этики при осуществлении прокурорского надзора. Однако внимательное чтение докладной записки С.А. Гоглидзе наркому внутренних дел СССР Берии обнаруживает более серьезные причины данного конфликта. Что сильнее всего встревожило начальника

¹³⁷ Письмо прокурора СССР А.Я. Вышинского прокурору Ленинградской области М.Д. Балясникову. 29 декабря 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 118. Л. 65.

УНКВД по Ленинградской области в действиях прокуроров? Ответ на этот вопрос дал он сам. По его словам, «используя неправильные действия прокуроров, арестованные в тюрьмах стали на путь **голового отказа от ранее данных показаний**» (выделено мной. — В.Т.), после посещения прокурорами тюрьмы арестованные стали на допросах держать себя вызывающе, они **«отказываются давать показания»**.

Массовые репрессии стали бедствием для советского общества. Вместе с тем они привели к человеческой и профессиональной деформации работников НКВД и всех вообще тех, кто служил их орудием. Действовавший в этих условиях упрощенный порядок ведения следствия и предания суду опирался почти исключительно на собственные показания обвиняемых. В стремлении выполнить и перевыполнить план по репрессиям следователи не стеснялись в выборе средств для получения от арестованных необходимых признаний и показаний и при этом совершенно не заботились о том, чтобы подтвердить их какими-либо уликами. Умение по-настоящему расследовать уголовные дела, вести допрос в соответствии с правилами Уголовно-процессуального кодекса, отыскивать факты, доказывающие совершение преступления, выстраивать цепочку доказательств и т.д. — все это в условиях, когда репрессии были массовыми, когда арестам подвергались сотни тысяч людей в год, исчезло из следственной работы как лишний элемент. Сама эта работа перестала быть в подлинном смысле следственной, а следователи превратились просто в мучителей и палачей арестованных. И сделать из них настоящих следователей, как показывают факты, было уже невозможно. Любые попытки осуществлять прокурорский надзор за следствием, даже самые осторожные и с соблюдением всех этических норм, неизбежно вызвали острые конфликты между прокуратурой и НКВД,

Руководство ВКП (б) после издания 17 ноября 1938 года постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» приняло ряд мер для обновления кадрового состава органов внутренних дел.

26 ноября 1938 года Политбюро ЦК ВКП (б) одобрило постановление «О работниках для НКВД», которым дало разрешение наркомату внутренних дел СССР организовать месячные курсы по подготовке следователей. Берии и Маленкову было поручено «совместно с обкомами, крайкомами, ЦК нацкомпартии отобрать слушателей на эти курсы из числа руководящих

районных и областных партийных и комсомольских работников»¹³⁸. В декабре 1938 года в Москве было отобрано для учебы на таких курсах и последующей службы на ответственных должностях в органах НКВД в центре и на местах 1 500 «политически проверенных и передовых производственников»¹³⁹. Но этих мер, сопровождавшихся почти полной заменой руководства органов внутренних дел в центре и на местах, уничтожением или просто удалением из НКВД работников, проявивших наклонности палачей-садистов и не желавших подчиняться новым тенденциям в карательной политике Советского государства, оказалось явно недостаточно. Характер кадрового состава органов внутренних дел остался в целом прежним. Во всяком случае прокуроры, надзиравшие за деятельностью НКВД, когда им предоставлялась возможность высказать свое мнение, отмечали чрезвычайно низкий профессиональный уровень следователей.

С 27 по 31 января 1939 года в прокуратуре СССР прошло заседание парткома ВКП (б), посвященное обсуждению проблем, возникших при выполнении требований постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г. С главным докладом выступил Вышинский. По его словам, «постановление ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. имеет очень большое значение и по существу является программой работы органов НКВД и в не меньшей степени также и прокуратуры. В этом постановлении подчеркивается, что органы прокуратуры несут такую же ответственность за следствие, как и органы НКВД. В этом постановлении подвергнута критике как работа органов НКВД, так и работа органов прокуратуры и указаны недостатки этой работы. Одним из недостатков работы органов НКВД было упрощённое ведение следствия, вплоть до неправильного составления протоколов, несоблюдение требований УПК и т.д. Крупнейшим недостатком органов является то, что не обращали внимания на эти недостатки и не принимали мер к устранению этих недостатков»¹⁴⁰. После таких выводов прокурор СССР обрушился на врагов,

¹³⁸ Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О работниках для НКВД» // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 617.

¹³⁹ Там же. С. 664. Архив Президента РФ. Фонд 3. Оп. 58. Д. 25. Л. 34.

¹⁴⁰ Протокол заседания парткома ВКП/б/ Прокуратуры СССР от 27-31/1-1939 г. // ЦА ФСБ. Архивное уголовное дело Р-790. Т. 2. Л. 513. URL: <https://drive.google.com/file/d/1KG3CBVUcAOcS53B-jzK-cjSB52T9ni4h/view> (дата обращения — 2 апреля 2023 г.).

которые «пробрались в органы НКВД и прокуратуры, и не только допускали извращения, но занимались фальсификацией и подлогами, создавали провокационные дела против честных невиновных людей, пытались скрыть своих сообщников»¹⁴¹.

Помощник главного военного прокурора Д.И. Китаев в своем выступлении признал, что прокуратура Союза ССР «плохо приступает к выполнению решения ЦК ВКП/б/ от 17/11-38 г.». Основные тяготы своей надзорной работы в НКВД он связал с тем, что «следователи НКВД в большинстве своём новые люди (инженеры, механики, техники) никогда не работавшие следователями, не видевшие кодекса». «С 10 часов утра, — сообщил Дмитрий Иванович, — они стоят у двери моей комнаты с тем, чтобы получить отсрочку на продолжение ведения следствия, чтобы получить тот или иной совет, так как они не знают как им поступить с делом. Когда у меня в комнате находятся одновременно 15 человек, я не имею возможности как следует ознакомиться с делом и дать указание»¹⁴².

Прокурор главной военной прокуратуры СССР И. И. Бударгин также обратил внимание в своем выступлении на слабую подготовку следователей НКВД. По его мнению, они «не умеют допрашивать людей», а прокуроры-одиночки, работающие в НКВД, не в состоянии руководить следствием. «Надо помочь молодым работникам НКВД наладить специальную учебу, — предложил он, — иначе мы долго не будем иметь доброкачественного следствия. У нас сейчас никакого надзора за следствием нет»¹⁴³.

Оценивая прозвучавший на заседании парткома прокуратуры СССР доклад Вышинского, Бударгин отметил, что в нем ничего не было сказано об извращениях, имевшихся в практике работы прокуратуры. «Мне кажется, — заявил он, — что прокуратура Союза ССР должна признать, что мы не вовремя сигнализировали ЦК о массовых извращениях, к нам попадали жалобы, по которым мы, рассматривающие эти жалобы прокуроры, считали необходимым истребовать дела, но эти попытки кончались тем, что дела не истребовались»¹⁴⁴.

Еще более резким было выступление прокурора Ульяновой, высказавшей претензии к руководству прокуратуры СССР. Свою речь она начала с

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же. Л. 520.

¹⁴³ Там же. Л. 523.

¹⁴⁴ Там же. Л. 522.

утверждения о том, что в докладе Вышинского и в прениях по нему не прозвучало «достаточно критики и самокритики»¹⁴⁵. Правда, она признала недостатки и в собственной деятельности. «Я, как прокурор, поставленный на серьезный участок работы по наблюдению за органами НКВД, несу ответственность за ошибки, имевшиеся в этой работе»¹⁴⁶, — заявила Ульянова. Главным недостатком она считала самоустранение прокуроров от надзора за деятельностью судебных троек. По ее словам, «в состав большинства троек были введены прокуроры, там же, где прокуроры не были введены, было указано, что они могут присутствовать на заседаниях троек и ниоткуда не вытекало, что прокуроры не должны присутствовать на заседаниях троек. Прокуратура, являющаяся органом диктатуры пролетариата, должна была проводить эту работу, мы же от этой работы самоустранились. В этом заключается ошибка руководства Прокуратуры СССР и наша — прокуроров, работающих на этом серьезном участке. Мы должны об этом сказать, может быть, это и поздно, но сказать об этом нужно. Это самоустранение от участия в работе троек привело к чрезвычайно отрицательным последствиям. Вы все помните приказ НКВД по поводу компетенции троек, он говорил, что надлежит применять в отношении кулаков, белогвардейцев, петлюровцев, участников к/р партий — вот круг людей, которые должны были подпасть под действие этого приказа. Было совершенно понятно, что [сюда] не подпадает... широкий круг советских специалистов, учителей и т.п. На месте же произошел произвол — через тройки пропускали всех, вплоть до лиц кадрового состава РККА, которые за совершенные ими преступления должны были привлекаться к уголовной ответственности в обычном, установленном для них порядке»¹⁴⁷.

Вышинского эта критика явно задела и он, взяв слово, постарался оправдаться. Прежде всего Андрей Януарьевич стал убеждать своих подчиненных в том, что не бездействовал во время массовых репрессий, а протестовал против незаконных методов следствия. Напомнил, что в апреле и июле 1937 г. обращался с письмами о их недопустимости в ЦК ВКП (б), и высказанные им тогда предложения вошли в постановление от 17 ноября 1938 г.»¹⁴⁸. «Я писал тов. Ежову о привлечении к уголовной ответственности

¹⁴⁵ Там же. Л. 526.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Там же. Л. 527.

¹⁴⁸ Там же. Л. 547.

работников НКВД, допускавших незаконные методы ведения следствия»¹⁴⁹, — сообщил он и отметил, что за 1938 год к уголовной ответственности были привлечены следователи примерно по 200 делам. «Конечно, — согласился он, — это капля в море среди тех бесчинств, которые творили негодяи», но все равно неправильно говорить о том, что «мы не пытались устранять безобразия, что мы молчали, а теперь вдруг хлынул поток привлечений к суду. Это не так. Помимо писем я не раз и не два говорил об этом и устно. Неправильно говорить, что мы не боролись с безобразиями, что мы устранялись от этого»¹⁵⁰.

Не принял Вышинский и упреки в том, что прокуратура отказалась от надзора за судебными тройками. «Проверять работу тройки мы по существу не могли, — заметил он. — Как выяснилось впоследствии, в тройке судьбу людей решал оперуполномоченный, я скажу даже больше — его агент, диктовавший ему свою волю. Правда, некоторую долю ошибок можно было бы предотвратить, когда негодяи из честного человека делали кадрового троцкиста, из честного агронома — вредителя, а из коммуниста — фашиста. Но все это они делали путем мошенничества, подлога, чего мы не знали»¹⁵¹.

Присутствовавший на заседании парткома заместитель прокурора СССР Г.К. Рогинский поддержал своего руководителя, сообщив весьма интересный факт, о котором сам Вышинский почему-то умолчал. «Я думаю, — сказал Рогинский, — что тов. Ульянова, правильно критикуя руководство за то, что мы не организовали этой работы и не требовали участия в ней прокуроров, много требований предъявляет все-таки неправильно. Для того, чтобы всем было ясно, я расскажу историю этого вопроса. Было созвано совещание начальников УНКВД у тов. Ежова, тогда об альбомных делах не было и речи, речь шла о тройках. На этом совещании был и тов. Вышинский, тогда был поставлен вопрос о тройках и о месте прокуратуры в этих тройках. Тов. Вышинский дал указание мне отстаивать участие прокурора в тройке, с правом приостановления решения тройки, ибо только при таком условии участие прокурора будет иметь значение, присутствие же его в ином качестве — паллиатив. Прокурор мог занять известное место только в том случае, если бы он обладал известной суммой прав. На совещании начальников УНКВД у

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Там же. Л. 548.

Фриновского со мной не согласились. Я сказал об этом Андрею Януарьевичу, и мы решили, что до открытия совещания поедem к Николаю Ивановичу (Ежову. — В.Т.), мы так и сделали. Николай Иванович сказал, что он согласен и что этот пункт (о правах прокурора, участвующего в тройке) будет включен в постановление, но, что до совещания это постановление будет соответствующим образом апробировано. На совещании, однако, оказалось, что в постановление не был включен пункт о правах прокурора, прокурор не имел право приостанавливать решение тройки и вносить протест на решение, а там, где прокуроры включались в состав троек, то они включались как члены троек, а не как прокуроры»¹⁵².

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 года подвергло критике органы прокуратуры именно за бездействие — за то, что они не принимали необходимых мер к устранению недостатков следствия, сводя свое участие в расследовании к простой регистрации и штампованию следственных материалов. Однако попытки работников прокуратуры исправить этот недостаток и активнее выступить в качестве органа, надзирающего за соблюдением законов при арестах и ведении следствия, вели к дальнейшему обострению конфликта между Вышинским и Берией.

2 марта 1939 года нарком внутренних дел СССР обратился к прокурору СССР с очередными претензиями по поводу действий работников прокуратуры при осуществлении надзора за соблюдением законов следователями НКВД. «Поступающие из НКВД союзных и автономных республик и от начальников областных управлений НКВД материалы, — писал Берия Вышинскому, — свидетельствуют о том, что отдельными работниками прокуратуры неправильно понято Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года “Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия”. По сообщению народного комиссара внутренних дел Дагестанской АССР т. Пантелеева, прокурор республики Филатов и помощник прокурора республики Мусаев заняли неправильную и вредную позицию в деле ликвидации извращений революционной законности в вопросах ведения следствия»¹⁵³.

¹⁵² Там же. Л. 534–535.

¹⁵³ Письмо наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии прокурору СССР А.Я. Вышинскому об ошибочной позиции работников ряда прокуратур при осуществлении постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17 ноября 1938 г. 2 марта 1939 г. Совершенно секретно // История сталинского

В чем проявилась эта неправильная и вредная позиция? Оказывается, «в практике работы упомянутые прокуроры допускали хождение по камерам тюрем и фотографирование подозрительных мест на теле заключенных, устанавливая следы побоев, нанесенных заключенным. Особую активность в хождении по камерам тюрем и тюремным больницам проявил помощник прокурора Мусаев, который давал заключенным бумагу для того, чтобы они писали заявления об отказе от своих показаний»¹⁵⁴.

Нетрудно догадаться, что результатом таких действий прокуроров был, как и во всех подобных случаях, отказ обвиняемых признать свою вину в совершении преступлений, то есть оговорить себя.

Действительно: Берия с возмущением сообщал, что после проверки прокурорами «все арестованные, начиная от менее значительного преступника и кончая шпионом, террористом и диверсантом нагло заявляют: “Мы честные люди, арестованы врагами и дали свои показания в результате принуждения”. Кроме того, в тюрьмах образовались заговоры и организованное объявление голодовок»¹⁵⁵.

Претензии нарком внутренних дел СССР высказал и по отношению к судебным работникам, указав, в частности, что целый ряд их «совершенно необъективно подходят к рассмотрению дел по контрреволюционным преступлениям», допросы свидетелей производят «с особой пристрастностью, сбивая их в показаниях», в то же время допрос обвиняемых сводят «лишь к выяснению формальных моментов» и в целом проводят линию на «смазывание отдельных преступлений и компрометацию следствия». Часто дела возвращают «на доследование лишь по клеветническим заявлениям обвиняемых, а в некоторых случаях по этим же основаниям выносят оправдательные приговоры и освобождает арестованных»¹⁵⁶. Прокуроры же, выступающие по этим делам в суде в качестве государственных обвинителей, никаких мер для разоблачения провокации со стороны обвиняемых не принимают.

Берия просил Вышинского «дать соответствующие указания местным органам» и поставить НКВД СССР в известность о принятых мерах.

Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Том 1. Массовые репрессии в СССР. М., 2004. С. 333.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же.

Вышинский недолго оставался в роли обвиняемого. Получая новые сведения о злоупотреблениях при аресте и следствии, он подавал протесты. 31 мая 1939 года прокурор СССР обратился с запиской о нарушениях в порядке согласования арестов в ЦК ВКП (б), к товарищу И.В. Сталину и в правительство, к его председателю В.М. Молотову. «Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года, — напомнил он, — органам НКВД было запрещено производство арестов без предварительной санкции Прокуратуры. Это постановление полностью отвечает требованиям 127 статьи Конституции СССР. Между тем в практике НКВД продолжают иметь место случаи производства арестов отдельных лиц без предварительного получения санкции прокуратуры Союза. Так, например, были арестованы без предварительного получения санкции прокуратуры СССР Фриновский М., Беленький З., Кедров и др. Докладывая об этом, прошу дать указание НКВД СССР о неуклонном соблюдении порядка производства арестов, установленного статьей 127 Конституции СССР и постановлением ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1937 года»¹⁵⁷.

В тот же день Вышинский подал Сталину и Молотову записку об устранении в работе Особого совещания при НКВД СССР условий для нарушения законности, указав в ней: «За последнее время через Особое Совещание при народном комиссаре внутренних дел СССР проходит большое количество дел, причем в каждом заседании Особого Совещания рассматривается от 200 до 300 дел. При таком положении вещей не исключается возможность принятия ошибочных решений. По этому поводу я представил свои соображения тов. Берия с предложением установить такой порядок работы Особого Совещания, чтобы заседания его созывались чаще и с рассмотрением в каждом заседании меньшего количества дел»¹⁵⁸. Полагал бы

¹⁵⁷ Записка А.Я. Вышинского И.В. Сталину о нарушениях в порядке согласования арестов. 31 мая 1939 г. // Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш», 1939 — март 1946. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. М., 2006. С.94.

¹⁵⁸ Вышинский писал в этом письме: «За последнее время в каждом заседании Особого совещания рассматривается от 200 до 300 дел. Таким образом, на рассмотрение каждого дела в среднем затрачивается до 1 минуты. Это, несомненно, не гарантирует нас от ошибок при разрешении дел, даже при условии, что предварительно эти дела подвергаются просмотру в секретариате Особого совещания и прокурором. Считаю необходимым просить Вас установить более частый созыв Особого совещания с рассмотрением в каждом заседании меньшего количества дел и увеличить количество часов каждого заседания» (Письмо прокурора СССР А.Я. Вышинского наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии. 31 мая 1939 г. // ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 143. Л. 39.

целесообразным, чтобы по этому поводу народный комиссариат внутренних дел получил специальные указания ЦК ВКП(б) и СНК СССР»¹⁵⁹.

Получив от Вышинского записку, Молотов переправил ее в НКВД СССР с пометкой: «Т. Берия. Как быть?».

10 июня 1939 года Л.П. Берия направил И.В. Сталину и В.М. Молотову ответ, в котором назвал «совершенно непонятным» вывод А.Я. Вышинского о том, что из-за большого количества дел, рассматриваемых на ОСО НКВД СССР, не исключается возможность принятия ошибочных решений. Коснувшись деятельности Особого совещания в период 1937–1938 годов, нарком внутренних дел СССР признал, что в работе этого органа допускались многочисленные нарушения. В законном составе совещание не собиралось, дела рассматривались в опросном порядке по спискам, справкам и материалам периферийных органов без предварительной проверки. «Несмотря на такой «порядок» рассмотрения дел, — заметил Берия, — тов. Вышинский в прошлом без возражений подписывал протоколы Особого совещания»¹⁶⁰.

По его словам, за период с декабря 1938-го по май 1939 года состоялось 13 заседаний Особого совещания, на них было рассмотрено 2079 дел и «не было случая, чтобы тов. Вышинский сделал какое-нибудь замечание о порядке проведения заседаний Особого совещания»¹⁶¹. Некоторые заседания, подчеркивал Берия, даже переносились, поскольку «тов. Вышинский был болен или занят на лекциях, а без тов. Вышинского проводить совещания мы избегали»¹⁶². В конце своей докладной записки Берия сообщил: «Я имел с тов. Вышинским беседу после написания им письма в ЦК ВКП(б) и СНК СССР, и тов. Вышинский признал, что его письмо по существу неправильное»¹⁶³.

Когда Берия писал данный ответ, Вышинский уже не был прокурором СССР. 31 мая — день, когда Андрей Януарьевич направил в ЦК ВКП (б) и в правительство СССР записки о нарушениях в порядке согласования арестов и об Особом совещании при НКВД СССР, — стал последним в его

¹⁵⁹ Записка А.Я. Вышинского И.В. Сталину об Особом совещании при НКВД СССР. 31 мая 1939 г. // Там же. С. 94–95.

¹⁶⁰ Записка наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии И.В. Сталину и В.М. Молотову от 10 июня 1939 г. // Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш», 1939 — март 1946. Архив Сталина. С. 565.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Там же. С. 566.

государственной деятельности на данном посту. В этот день Верховный Совет СССР принял два постановления, которыми утвердил указ Президиума Верховного Совета СССР о назначении тов. Вышинского Андрея Януарьевича заместителем председателя Совета Народных Комиссаров СССР и освободил его от обязанностей прокурора СССР в связи с новым назначением.